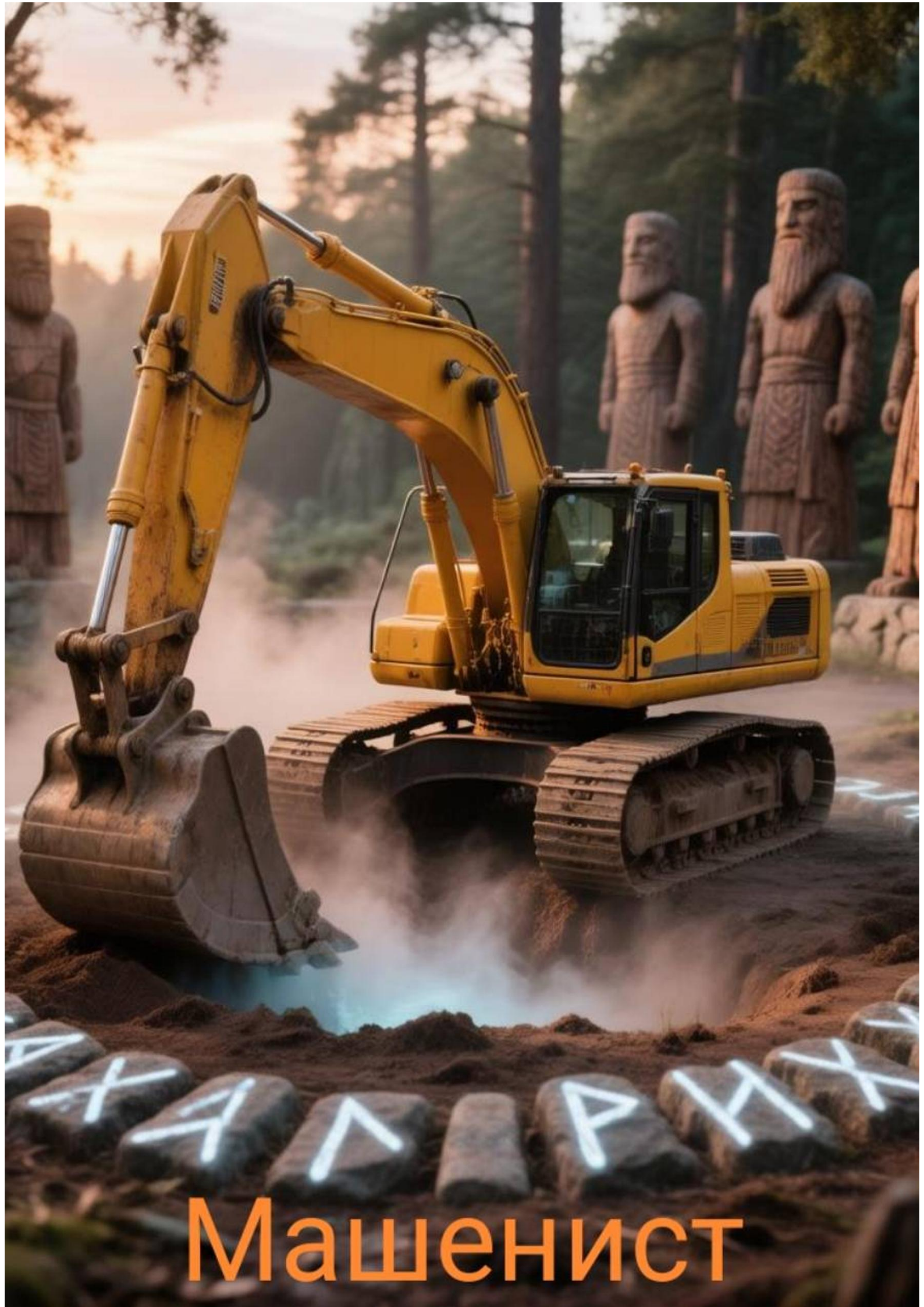

Машенист

Машенист

Сумрак Тятенков

Машинист

«Автор»

2026

Тятенков С.

Машинист / С. Тятенков — «Автор», 2026 — (Машенист)

Привет всем ценителям фантастики! Да, это снова книга о попаданце. Да, опять магический мир. Да, вас ждут гномы, эльфы, маги и все сопутствующие дела, а нет — сорян, их тут нет. Уже готовы сказать: «Фу, скучно, было, надоело»? Не торопитесь с выводами! Герой у нас не спецназовец, не военный и даже не мастер боевых искусств. Забудьте про суперменов с автоматами наперевес. Ну что, заинтригованы? Думаете, какой-нибудь программист или менеджер? Ха! Таких ещё точно не было. Знакомьтесь: бывший инженер, а ныне — машинист экскаватора. Культурно и с достоинством. А теперь представьте этого сурового работягу с его смекалкой, мозолистыми руками и знанием тяжёлой техники в мире, где правят боги и мечи. Как думаете, соберёт из подручных материалов магический экскаватор? Лучше не гадайте, а читайте! И читать есть что. ** Наш инженер-экскаваторщик просыпается не в привычном фэнтезийном королевстве, а в древней Руси, где старых богов — Перуна, Велеса, Макоши. Продолжение: «Семь печатей Синего железа

© Тятенков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сумрак Тятенков

Машинист

Глава

Глава 1. Стальной зверь

Пять утра. Звенит будильник. Скинув сон, как старый пыльник, я пью свой кофе до дна. Утром спешу на стройку, где кипит стальной поток. Машинистом вырос я, и в кабине мой мирок. Мой экскаватор — верный зверь, стальной гигант. Рычит мотор, как будто в нем живое сердце бьется...

Слушая эту песню из динамика магнитолы, я заканчивал смену. Настроение было отличным — вахта подходила к концу, скоро домой. Вот подошла последняя машина под погрузку. Всё отработано до автоматизма: зачерпнуть ковш, поднять, повернуть, высыпать в кузов.

Последний самосвал, груженный под завязку, тяжело взревел дизелем и, мигнув аварийной на прощание, медленно пополз прочь, поднимая клубы пыли. Я заглушил двигатель. Оглушительная тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием остывающего металла, навалилась на кабину. Мой верный зверь заснул.

Я откинулся на спинку кресла, вытягивая ноги. За окном занимался рассвет, окрашивая серое небо в нежные персиковые тона. Красота, которую редко замечаешь в суете рабочих будней. Три месяца ничего, кроме этого карьера, пыльных дорог и лиц таких же работяг. Но сегодня всё иначе. Сегодня — последний день.

Спустившись по гусеницам на землю, я похлопал стального коня по ковшу:

— Отдыхай, дружище. Увидимся не скоро.

В бытовке уже собирался сменщик, молодой парень Витёк. Он сонно зевал, натягивая промасленную робу.

— Ну что, Михалыч, отстрелялся? — спросил он.

— Отстрелялся, Витя. Теперь твоя очередь тут скрежетать, — я дружески хлопнул его по плечу. — Смотри тут за моим, не обижай.

— Не беспокойся, как за родным присмотрю. Ты это, домой когда?

Вечерним поездом?

— Им самым. Билет уже в кармане греет душу.

Мы перекинулись еще парой фраз, я расписался в журнале смены и побрел в свой вагончик. Душ, чистая одежда — и вот я уже не машинист экскаватора, а просто человек, который едет домой.

Сумка была собрана еще с вечера. Ничего лишнего: сменка, пара книг, нехитрые пожитки. Главное — подарки. Маленький плюшевый мишка для дочки Ленки и флакон тех самых духов, что так любит жена Аня. Я перепроверил их, аккуратно уложенных среди одежды. От одной мысли о том, как увижу их улыбки, на душе становилось тепло.

До поезда оставалось несколько часов. Я сидел на крыльце вагончика, глядя, как солнце поднимается над карьером. Где-то вдалеке снова зарычал мотор — это Витёк начал свою смену. Стальной поток не останавливался ни на минуту. Но для меня он сегодня замер.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось «Любимая».

— Аллю, Ань?

— Привет, родной! Ну что, всё? Едешь?

— Всё, милая. Смену сдал, сижу вот, поезда жду. Как вы там? Как Ленка?

— Мы в порядке, очень-очень ждём! Ленка уже третий раз спрашивает, когда папа приедет. Весь календарь крестиками изрисовала.

Я улыбнулся. Представил, как моя маленькая егоза сосредоточенно выводит очередной крестик.

— Скажи ей, что папа уже почти в пути. Завтра утром обниму вас обеих так крепко, как только смогу.

— Мы будем ждать на вокзале! С плакатом! — засмеялась Аня. — Ленка уже рисует.

— Вот это встреча будет! Ладно, любимая, мне скоро выезжать.

Целую.

— И мы тебя. Возвращайся скорее, наш машинист.

Разговор закончился, а улыбка осталась на лице. Ради этих моментов стоило терпеть пыль, разлуку и однообразные будни.

****Глава 2. Дорога сквозь степь****

До станции нас подбросил старенький УАЗик-«буханка». Внутри пахло бензином и сыростью, но нам, отпускникам, было весело. Мы травили байки, делились планами. Кто-то собирался на рыбалку, кто-то затеял ремонт, а я... я просто хотел домой. Пить чай с чабрецом на кухне и слушать, как Ленка рассказывает о садике.

Маленький полустанок посреди бескрайней степи. Покосившийся деревянный вокзал, пара путей. Наш поезд был проходящим, стоянка всего две минуты. Время тянулось мучительно медленно.

Наконец показался огонек прожектора и донесся протяжный гудок. Земля задрожала. Приближался железный змей, уносящий меня в мир домашнего тепла.

Поезд остановился с шипением. Проводница мельком взглянула на билет и пропустила внутрь. В вагоне пахло углем, дорогой и заваренной лапшой.

Мое место — нижняя полка у окна. То, что надо. Поезд дернулся и поплыл мимо перрона. Станция, карьер, знакомые пейзажи оставались позади. Я достал телефон и открыл фотографию. Мои девочки щурятся от солнца. Скоро, совсем скоро.

Под мерный перестук колес: «е-ду-до-мой» я незаметно задремал.

Проснулся оттого, что проводница настойчиво трясла меня за плечо.

За окном сгустились сумерки.

— Чай будете? — спросила она безразличным тоном. — Да, пожалуйста. С сахаром.

Напротив расположился пожилой мужчина в очках с аккуратной седой бородкой, увлеченно читавший толстую книгу.

— Добрый вечер, — кивнул он поверх очков.

— И вам добрый, — ответил я, принимая стакан в подстаканнике.

Горячий сладкий чай обжег губы. Сосед отложил книгу:

— Тоже с вахты?

— С нее, родимой. А вы?

— Геологом работаю. Партия недалеко была. Теперь тоже к семье. Внуки заждались.

Мы разговорились. Он рассказывал про камни, которые были для него живыми существами. Я — про гигантские машины и то, как из голой земли вырастают карьеры. Мы были людьми из разных миров, но радовались одному — возвращению домой.

Ночь прошла в полудреме. А утром пейзаж изменился. Исчезли суровые степи, появились березовые рощи, аккуратные домики.

Родные места. Сердце забилося чаще.

Вот промелькнул старый элеватор, мост через речушку, где мы рыбачили с отцом. Потянулись многоэтажки. Мой город.

Поезд замедлил ход. Я встал в тамбуре, жадно вглядываясь в перрон. Где же они?

И увидел. Два ярких пятнышка. Аня в красном пальто и маленькая фигурка в розовой курточке, держащая над головой кривоватый ватман. Она и правда сделала плакат.

Двери открылись. Шаг на родную землю. Воздух здесь был другим — свежим, весенним.

— Папа! Папочка! — пронзил шум тоненький голосок.

Ленка сорвалась с места и врезалась в мои ноги. Я подхватил ее, уткнувшись лицом в волосы, пахнущие конфетами и детством.

— Приехал! — шептала она. — Приехал, доченька.

Подошла Аня. Она молчала, просто смотрела сияющими глазами. Я притянул жену к себе, не выпуская дочь. Мой настоящий мир был здесь.

— Ну, здравствуй, машинист, — тихо сказала Аня. — Здравствуй, любимая. Я дома.

— Пап, а ты мишку привез? — нарушила момент Ленка.

— А как же!

Я поднял с асфальта её творение. «С ПРИЕЗДОМ, ЛУЧШИЙ В МИРЕ

ПАПА!» И нарисованный желтый экскаватор с тремя человечками. — Это лучший плакат, который я видел, — сказал я искренне. — Повесим дома.

Дорога домой на трамвае казалась самой счастливой. Ленка сидела на коленях и тараторила обо всем на свете, Аня положила голову мне на плечо. Я смотрел на улицы родного города, которые после долгой разлуки казались новыми.

****Глава 3. Родной двор****

Вот и наша пятиэтажка. Подъезд, пахнущий щами. Возле подъезда — четверо парней. Тогда я не придавал этому значения, полностью поглощенный приездом.

Внезапно один из них вскочил и грубо схватил Аню за руку. Ее глаза расширились от испуга.

— Отпустите мою жену! — мой голос прозвучал неожиданно твердо.

Парень усмехнулся:

— А ты ещё кто такой, герой? Потерялся?

— Я её муж. Прошу отпустить.

Другие парни начали подтягиваться. Атмосфера накалилась. Я чувствовал дрожь в руках, но страх за семью придавал сил.

— Папа, ты же машинист! Ты сильный! — громко сказала Ленка.

Её слова отрезвили меня. Я должен защищать своих. — Уходите, дайте пройти.

На мгновение повисла тишина. Парни переглянулись. Тот, что держал Аню, ударил резко. Рефлекторно я дернул головой, кулак скользнул по скуле. Боль обожгла, но я ударил в ответ сбоку в челюсть. Парень отшатнулся, выпустив Аню. Она прижалась ко мне, Ленка заплакала.

Остальные опешили, но низкорослый бросился вперед. Я увернулся и толкнул его в грудь. Он упал, зацепив другого. — Бегите! В подъезд! — крикнул я.

Аня подхватила Ленку за руку и рванула к двери. Один из парней пошел на меня. Я уклонился от удара, попытался пробить в живот, но он перехватил мою руку. Запах перегара бил в нос. Услышав щелчок замка подъезда, я оттолкнул парня и ударил ногой в колено. Он взвыл.

Но я не заметил низкорослого. Он достал нож и со спины воткнул мне его в бок. Острая боль пронзила тело, выбивая воздух. Мир поплыл перед глазами. Ноги подкосились, но ярость не давала упасть.

— Получи, герой! — прохрипел он.

Кровь сочилась сквозь пальцы. Сил не осталось, но мысль «Аня и Ленка в безопасности» дала последний отчаянный рывок. Я бросился на него, схватил за грудки и ударил головой. Он упал, ударившись затылком об асфальт.

Я стоял над ним, тяжело дыша. Внезапно раздались сирены. Полиция. Кто-то вызвал их. Я опустился на колени, прижимая руку к ране. Боль вернулась с удвоенной силой. Последнее, что я помню — лицо Ани, склонившейся надо мной, и темнота.

****Глава 4. Деревянный потолок****

Очнулся резко, как от щелчка рубильника: была тьма, а теперь — свет и боль. Раскалывалась голова, но бок совершенно не чувствовался. Попытался открыть глаза — веки словно склеили.

Разлепив их, я пожалел.

Деревянный потолок. Не больница. Грубые, потемневшие доски с паутиной в углах.

Резко сел. Голова взорвалась болью, заставив зашипеть. Бок молчал. Опустил взгляд: на мне грубая холщовая рубаха. Под ней — гладкая кожа. Ни бинтов, ни шрама.

Огляделся. Соломенный тюфяк на топчане, глиняный кувшин, маленький стол. Окно без стекла, затянутое мутной пленкой, похожей на бычий пузырь. Пахло дымом и прелой соломой.

Дверь скрипнула. На пороге появилась невысокая седая женщина в платке.

— Очнулся, милоч, — проговорила она странно, со старинным говором. — А мы уж думали, не выкарабкаешься. Головой знатно приложился.

Она поставила на стол миску с паром.

— Головой? Меня ножом...

Женщина посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Каким ножом? Нашли тебя в овраге, без сознания. Синяки да разбитая голова. Никакой раны нет, повезло тебе.

Я посмотрел на руки. Никаких следов драки. Только адская головная боль.

— Где я?

— В деревне нашей, в Заречье. Мужики нашли у Чертова оврага.

Заречье. Чертов овраг. Кусок жизни просто вырезали.

— Какой сегодня день?

— День как день. Вчера Прокопьев день был. Лето на дворе, сенокос скоро. Ешь давай, похлебка стынет.

Внутри оказалась густая серая жижа с корнеплодами. Желудок свело от голода. Я съел пару ложек. Горячая еда приглушила панику, заменив ее холодной тревогой.

— Спасибо. Как вас зовут?

— Марфой кличут. А тебя как? В бреду-то имена чудные выкрикивал.

Назвать настоящее имя? Оно прозвучит здесь дико.

— Зови... Димой.

— Дима, значит. Отдыхай пока. А я к кузнецу схожу, скажу, что ты в себя пришел. Это его сын тебя нашел.

Марфа вышла. Я подошел к окну. Слюда вместо стекла. Вместо многоэтажек — добротные деревянные избы с соломенными крышами и дранки, дорога, женщина с коромыслом. Босоногая ребятня гоняла палкой обруч. Ни машин, ни проводов. Только поле и стена леса. Это другое время.

Мир рухнул. Тот низкорослый ублюдок, падая, ударился затылком об асфальт. А я... видимо, тоже. Только мой асфальт оказался порталом в дремучее средневековье. — Что это за место? — прошептал я.

— Говорю же, Заречье. Видать, память отшибло. Поешь, окрепнешь, может, вспомнишь.

Память была в порядке. Я помнил всё: драку, нож, сирены, двадцать первый век. От этого становилось страшно. Иностранное тело.

— Мне нужно в город. В полицию.

Ноги оказались ватными. Я пошатнулся, ухватившись за стол.

— Экий прыткий. Три дня пластом лежал, бредил про каких-то «героев». До города не один день пути, если на телеге. А ты двух шагов сделать не можешь. Телега?

Я доковылял до двери. Свежий воздух ударил в лицо запахом сдобы, разнотравья, леса. Изба стояла на краю деревни. Впереди виднелась большая постройка, откуда доносился глухой металлический стук — кузница.

К избе приближались двое. Одной была Марфа, второй — высокий широкоплечий мужчина лет сорока с густой черной бородой и руками, выкованными из железа.

— Вот он, Прохор, — сказала Марфа, указывая на меня. — Очухался, говорю ж тебе.

****Глава 5. Кузнец и чужак****

Мужчина шагнул в избу, заполнив собой почти всё пространство. От него пахло гарью, кислым железом и свежим потом. Его глаза — маленькие, глубоко посаженные под мохнатыми бровями — цепко осмотрели меня с ног до головы.

— Живой? — его голос был густым, как расплавленный чугун. — Марфа сказала, ты бредил про железных зверей и огненные змеи на нитках.

Я слотнул. Железные звери — это мой экскаватор. Огненные змеи — поезд.

— Я упал, — соврал я первое, что пришло в голову. — С обрыва.

Память... путается.

Прохор хмыкнул, подошел ближе и без спроса схватил мою руку. Его ладонь была жесткой, как подошва кирзового сапога. Он повертел её, ощупал костяшки.

— Руки рабочие, но чистые. Мозоли старые, не от сохи. И плечи у тебя широкие, да сутулые, будто вечно над чем-то гнутым сидел. Не землелашец ты, Дима. И не дружинник — меча не носишь.

Он отпустил мою руку так же резко, как взял.

— А силушка есть, — задумчиво протянул кузнец. — В глазах горит. Только дикая она, необузданная. Как бы дров не наломал. — Мне нужно к воеводе, — твердо сказал я. — Или к князю. У меня важное дело.

Марфа всплеснула руками:

— Окстись, милоч! Какой князь? До стольного града седмица пути верхами, а ты еле ноги переставляешь! Да и кто ж тебя, голытьбу приبلудную, к князю пустит? Сначала виру за беспокойство заплатишь, потом плетей отведаешь для порядка.

— Я заплачу, — я потянулся к поясу, где всегда висела кожаная барсетка с документами и мелочью, но пальцы поймали лишь грубую веревку штанов. Денег не было. Ничего не было. Кузнец проследил за моими движениями и усмехнулся в бороду. — Заплатит он. Чем, воздухом своим городским? Сиди уж. Раз очухался — значит, нужен здесь. Силу твою в праздности держать — грех перед предками. Будешь помогать мне в кузне. За еду, крышу и холщовые порты. Согласен?

У меня не было выбора. Оставаться один на один в избе старухи, которая считает меня сумасшедшим, сошедшим с небес, было страшнее, чем идти к раскаленному горну. — Согласен.

****Глава 6. Обучение: Вес молота (Адаптация)****

Первые две недели стали настоящим адом. Мое тело, привыкшее к рычагам гидравлики и кнопкам джойстика, взбунтовалось против грубой физики этого мира.

В кабине экскаватора я управлял тоннами грунта одним пальцем.

Здесь же десятифунтовый молот казался неподъемной скалой. После первого часа работы у горна мои ладони, несмотря на мозоли, покрылись кровавыми волдырями. Спина отказывалась разгибаться, а руки тряслись так, что ложка стучала о зубы во время ужина.

Я привык смотреть на землю иначе, чем обычный человек. За годы за рычагами экскаватора я научился читать грунт по цвету крошки, чувствовать натяжение тросов без приборов и понимать, куда пойдет многотонная стрела под любым углом. Моя машина была огромным металлическим организмом, который приходилось чинить прямо в поле, перебирая и чиня с помощью подручных средств то, что нельзя починить в карьере в мороз и дождь, ведь простой — это минус по зарплате. Да и до развала Союза я поступил на инженерный, почти закончил, но не вышло — развал СССР, не до учёбы, пришлось искать работу, хорошо, друг вытянул на вахту в карьер, там и стал экскаваторщиком.

Мои навыки инженера оказались бесполезны. Я пытался объяснить Прохору принцип действия мехов или угольной пыли, но он смотрел на меня как на юродивого. «Дурь городская», — отрезал он, когда я предложил сделать заслонку для тяги. Зато моя пространственная логика пригодилась сразу. Когда старый ручной клин для раскола крицы затупился, я, взяв уголек, начертил на земляном полу схему двуручного клина-саморуба. Прохор посмотрел на чертеж, сплюнул, но через три дня выковал именно его. Работа пошла вдвое быстрее.

Я учился дышать дымом. Учился отличать звон перегретой стали от звона готового железа по вибрации пола. Учился спать на соломе, от которой чесалось всё тело, и мыться ледяной водой из колодца по утрам, пока пар изо рта не становился похож на густой туман. Постепенно первобытный ужас перед неизвестностью сменился холодной сосредоточенностью. Это была просто другая работа. Опасная, тяжелая, но понятная. Если ударить сюда — металл пойдет трещиной. Если нагреть докрасна — станет мягким. Законы физики остались прежними, изменился только инструмент.

Однажды вечером, работая над сложной заколкой для дочери местного старосты, я заметил странность. Металл в горне вел себя иначе. Когда я опускал заготовку чуть ниже обычного, пламя словно ластилось к ней, отдавая жар охотнее. Прохор, следивший за мной краем глаза, вдруг отложил свой инструмент.

— Поддай-ка клещи, — буркнул он. — Нет, те, длинные. Жми сильнее. Я сжал рукояти. Кузнец сунул полосу металла прямо в самое сердце белого огня. Обычно там железо мгновенно оплавлялось, превращаясь в рыжие капли. Но сейчас полоса светлела, набирала температуру, оставаясь целой гораздо дольше положенного. — Ты дышишь не так, — внезапно сказал Прохор, щурясь на огонь. — Когда злишься или стараешься, воздух вокруг тебя... густеет. Словно ветер сам дует в нашу сторону. Жар держит.

Я замер. Адреналин старой драки, напряжение мышц при подъеме тяжелого бруса — каждый раз, когда я вкладывал усилие, мир вокруг отзывался.

— Ты не простой найденыш, Дима, — кузнец выпрямился, вытирая сажу со лба. — В тебе спит дух. Древний, тяжелый, как камень. Земляной, должно быть. Потому и спину гнешь тяжело, и жара не боишься.

****Глава 7. Становление: Искра****

Слово «дух» звучало дико, но оно объясняло слишком многое. Той ночью я не мог уснуть. Вышел во двор. Небо здесь было черным-черным, без городской подсветки, усыпанное звездной пылью Млечного Пути. Оно давило своей бесконечностью. Я подошел к наковальне. Положил руку на холодный рог. Вспомнил свою машину. Вспомнил ту колоссальную мощь, которую чувствовал, поднимая полтонны гравия. Представил, как энергия течет по венам, собираясь в кулаке.

Я с силой ударил открытой ладонью по холодному металлу.

Обычный человек отбил бы себе кисть до синевы.

Наковальня вздрогнула. По каменному основанию, на котором она стояла, пробежала сетка тонких трещин. Сама наковальня издала низкий, басовитый гул, который ушел глубоко в землю. Моя рука даже не заболела. Лишь кончики пальцев слегка покалывало, а дерево рядом с порогом избы сухо треснуло, рассыпавшись трухой.

Во мне проснулась ярость — не слепая, человеческая, а древняя, минеральная. Ярость сжатой породы. Я понял, что могу крошить камни голыми руками. Могу остановить летящий топор

предплечьем, если успею напрячься. Но вместе с этой силой пришел животный страх. Что, если я сорвусь? Что, если во время спора я случайно раздавлю человеку горло, просто сжав плечо чуть сильнее нужного?

На следующее утро я попросил Прохора научить меня контролю.

— Контролю учат волхвы в капищах, — проворчал он, раздувая меха. — Им нужны, подношения. А я — кузнец. Я знаю только одно лекарство от лишней силы.

Он вытащил из углей брусок сырого железа весом в полтора пуда.

— Держи.

Я принял брусок. Он обжигал даже сквозь толстую рукавицу. — Пока горячо — бей. Ровно, вдоль волокон. Пока искры из глаз не полетят, а гнев не выйдет наружу. Гнев и сила — они как шлак. Надо выбивать их работой, пока сталь внутри не станет чистой.

Так начались мои настоящие тренировки. Днем я махал тяжелым молотом, выковывая плуги и подковы. Ночью, когда деревня засыпала, я уходил к Чертову оврагу. Брал огромные валуны и пытался сдвинуть их с места напряжением воли и мышц, чувствуя, как дрожит земля под ногами.

Моя адаптация шла полным ходом. Я перестал шарахаться от жара и дыма. Научился понимать язык местных — певучий, с проглоченными гласными. Узнал, что князя здесь нет, правит посадник в городе хотя это по старому посадник а с новой верой всё чаще они себя называют князьями. Твердец, а лес вокруг деревни зовется Диким Логом, и ходить туда бояться — там пропадают люди.

Мой словарный запас пополнился словами «порча», «навь» и «ведовской корень». Цивилизация осталась где-то за гранью памяти, превратившись в далекий сон.

****Глава 8. Испытание огнем****

Спустя полгода жизнь вошла в колею. Меня перестали называть Приблудным. Теперь я был «Дима-кузнец», хоть клеймо ставил еще Прохор. Я научился читать небо, предсказывая дождь, лечить ожоги паутиной и медом, и разговаривать с животными — лошади и волы чувствовали исходящую от меня тяжесть и слушались одного моего взгляда.

Но прошлое не отпускало. Каждую ночь мне снилась Аня. Ее красное пальто, плакат Ленки. Боль тоски стала привычной, как зубная — тупой, фоновой, но способной пронзить острой вспышкой в самый неожиданный момент.

Тревогу принес осенний ветер. На околице завывали собаки. Мужики, вышедшие проверить скотину, вернулись бледными.

— Навьи бродят, — крестились они. — Три двора на дальнем выселке выжрали дотла. Скотину порвали, людей... костей не собрали. Деревня погрузилась в липкий страх. Люди боялись выходить за ворота после заката.

Беда пришла на третий день. Мы с Прохором уже закрывали кузню, когда дверь слетела с петель. Внутри ввалились трое. Лица белые, глаза черные, маслянистые, движения дерганные, ломаные. Нежить. Та самая навь, о которой шептались мужики. Они не чувствовали боли и не знали усталости.

Один бросился на Прохора. Зубы клацнули в сантиметре от горла кузнеца — тот едва успел увернуться, схватив кочергу.

Второй прыгнул на меня. Инстинкты рабочего человека сработали раньше страха. Я не стал отступать. Шагнул навстречу, нырнул под склизкую лапу и нанес прямой удар основанием ладони в грудь. Хрустнуло. Тварь отлетела назад, впечатываясь в стену из дикого камня. Но тут же поднялась, сломанные ребра торчали наружу.

Третий оказался быстрее. Он метнулся ко мне сбоку. Я выставил блок, принимая удар когтистой лапы на предплечье. Острая боль резанула кожу, но мышцы, закаленные месяцами у наковальни, выдержали. Я перехватил конечность, используя инерцию врага, развернул его и швырнул прямо в открытый горн.

Тварь вспыхнула сухим факелом, издав звук лопнувшего пузыря, но вместо того чтобы сгореть, начала двигаться еще быстрее, размахивая горящими руками.

Внутри меня что-то щелкнуло. Страх исчез. Осталась только механика.

«Это просто неисправный механизм, — подумал я отстраненно. — Перегрузка системы».

Я схватил огромную кувалду для разбивки шлака. Она весила килограммов сорок. Для обычного человека поднять ее в замахе — невыполнимая задача. Я поднял её легко, как перышко. Моих сил хватало.

Первый удар размоzzжил череп горячей нежити, оборвав визг. Второй превратил в кашу того, кто пытался достать Прохора. Третий добил того, кого я швырял в стену.

Наступила тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием кузнеца и треском угля.

Прохор медленно разогнулся, опираясь на кочергу. Посмотрел на развороченную грудную клетку последней твари, затем на меня. Потом перевел взгляд на кувалду в моих руках, которую я держал на весу без малейшего напряжения.

— Вот теперь, — прохрипел он, тяжело дыша, — мы точно знаем, зачем тебя прислали нам Предки. Тебе пора в Твердец, Дима. Твоя сталь созрела. Сидеть в деревне больше нельзя — либо сожжешь её случайно, либо придут другие. Те, кто управляет такими псами. Героем тебе быть или погибелью — решать тебе, но учиться этому будешь не у меня.

****Глава 9. Три мира****

На следующее утро Прохор разбудил меня до рассвета, когда над рекой еще стоял густой, как молоко, туман. Мы не пошли в кузню. Вместо этого старик повел меня вдоль кромки Чертова оврага к старой, расщепленной молнией березе. Кора на ней была черной от копоти, а корни обнажились, вцепившись в землю мертвыми пальцами.

— Садись, — прохрипел кузнец, опускаясь на поваленный ствол сам.

— Хватит тебе железо тягать. Пора душу свою взвесить.

Я сел напротив. От земли тянуло могильным холодом и сыростью. — Ты спрашивал, где ты, Дима. Я отвечал — в Заречье. Но это лишь имя деревни. Правда глубже лежит. Мир наш, людской, зовется ****Явью****. То, что ногами топчешь, что руками держишь. Кузня моя — Явь. Твердец-город — Явь. Твоя баба с дитем, коли живы остались — тоже здесь были.

Он достал из-за пазухи кисет с махоркой, скрутил самокрутку дрожащими пальцами.

— Под нами, глубоко во чреве Земли-Матушки, спит ****Навь****. Царство Мары и Чернобога. Там нет времени, там только тлен и тени тех, кто ушел без чести или чья жила оборвалась грязно. Те псы, что вчера ночью в дверь ломились — это мороки Нави. Нежить бессловесная. Они сквозь камень проходят, их огнем просто так не возьмешь, если веры в ударе нет. А ты его сжег. Значит, кровь твоя человеческая пока сильнее тьмы держит.

— А выше? — спросил я, вспоминая странное чувство полета, когда бил кулаком по наковальне.

Прохор поднял узловатый палец к небу, затянутому серой хмарью.

— Выше ****Правь****. Обитель Сварога-Кователя да детей его: Перуна-громовника, Велеса-пастуха и Стрибога-ветродуя. Это закон мироздания. Если Явь — это тело, а Навь — дух гниющий, то Правь — это душа живая и стержень железный. Когда волхв требы кладет, он мост в Правь строит. Когда воин за род умирает — он в Ирий небесный уходит, в полк Перуновых.

Старик затянулся, выпустил едкий дым.

— В твоём мире, видать, эти грани истончились. Машинами вы Правь заменили, сталью холодной богов подменили. Потому тебя сюда и бросило. Река Смородина между мирами берега свои всегда стирает, чтобы баланс был. Где пусто стало — оттуда и черпает. У нас тут железа мало было, руда бедная. Вот Сварог через щель межмирья и плеснул... тобой.

— Я не бог, Прохор. Я просто Михалыч с экскаватора. — Был. Теперь ты — Камнерожденный. Сын Яви по плоти, но с искрой Правы в сердце. Марфа говорит, ты во сне звал «Лену». Женское имя. В нашей речи нет имени «Лена». Может, сама Макошь, пряжа судеб, нить твою вытянула, чтобы узел развязать.

****Глава 10. Оружие для чужака****

К вечеру, когда солнце окрасило пыльные окна в багровый цвет, мы закончили. Передо мной на верстаке лежал не меч и не секира. Это был клевец — узкое, граненое наверху в форме четырехгранного клюва, насаженное на короткую рукоять из черного дуба. На каждой грани клюва были вырезаны древние резы, (руны): Коловрат, Громовик и знак Сварожича.

— Что это за знаки? — я коснулся пальцем глубокой борозды, напоминающей вращающееся колесо с загнутыми лучами. Линии казались живыми, от них исходило едва заметное тепло. — Никогда таких не видел.

Проخور перестал протирать руки ветошью и подошел ближе. — Это славянские резы, парень. Предки рунами их звали, но то слово чужое, греческое. А у нас всегда резы были — черты судьбы по дереву да камню резать. Каждая такая черта — узел силы.

Он ткнул мозолистым пальцем в первый символ:

— ****Коловрат****. Знак солнца, бесконечного движения Прави. Он путь указывает во тьме и сжигает морок. Если нежить поганая к тебе ползет, этот знак ей глаза выжжет до самого мертвого дна. Назначение его — рассеивать навь и возвращать миру светлый ход времени.

Затем он указал на крест, заключенный в круг:

— ****Громовик**** (восьмиконечная звезда Перуна). Грозный оберег. Запечатывает зло внутри предмета или человека, не дает ему расползтись. Ударишь такой печатью — вражья воля дрогнет, рука у супостата отсохнет, а колдовской наговор назад хозяину полетит.

Его предки над порогом чертили, чтобы беда в дом не шла.

И последний, похожий на пламя свечи:

— ****Сварожич****. Живая искра небесного огня. То частичка души батюшки-Сварога. Она саму суть вещи мертвой выжигать будет. Обычное железо нежить лишь калечит, рвет мясо, а эта звезда падшая дотла испепелит. Никакая кривда против него не устоит. — Легкий слишком, — разочарованно пробормотал я, взвешивая оружие в руке. Граммов четыреста, не больше. После моей кувалды это казалось зубочисткой.

— Для дурной силы твоей легкий, — кивнул Прохор. — А для дела — самый вес. Им не рубят, им бьют в стык брони. Или в лоб нежити. Рукоять дубовая гнить начнет, стоит ей лжи коснуться. Как побелеет дерево — значит, предали тебя други твои новые.

Я перехватил клевец обратным хватом. Баланс был идеальным. Оружие ощущалось продолжением руки — таким же привычным, каким раньше казался джойстик управления гидравликой.

****Краткая справка по назначению знаков резов:****

*

****Коловрат:**** Указывает путь сквозь навь, защищает от морока иментальных атак нежити.

*

****Громовик:**** Блокирует враждебную волю, отражает проклятия изапечатывает агрессивную энергию.

*

****Сварожич:**** Наносит чистый урон энергетической сущности врага, игнорируя физическую броню и гниение плоти.

****Глава 11. Выбор пути****

Вечером у печи Марфа достала потрепанную колоду карт, хотя на картах они походили скорее на деревянные плашки с выжженными ликами.

— Спрашивай, — проскрипела она, протягивая их мне. — Только не о бабе своей плакать будешь сейчас. О дороге спроси.

Я взял теплые деревяшки. Лики смотрели строго: суровый мужчина с рогатым посохом (Велес?), женщина с веретеном (Макошь?) и бородатый гигант с молотом (Сварог?). Моя рука

дрогнула. Эти боги теперь были настоящими. Ждущими дыма костров и шепота молитв. Я положил карты обратно. Мне не нужна была магия дерева, чтобы понять правду.

— Я пойду в Твердец, — сказал я, глядя в огонь. — Узнаю, что случилось с моим миром. Можно ли открыть врата обратно. — Нет врат, которые человек может открыть, — тихо сказала Марфа. — Их открывают только Боги. Либо кровью великой, либо жертвой страшной. Готов ли ты платить такую цену за возвращение? Я посмотрел на свои ладони. Мозоли сошли, кожа стала твердой, как старая кора. Под ногтями навсегда въелась угольная пыль этого мира.

— Мой дом там, где Аня и Ленка. Но пока этот мир пожирает Навь, покоя мне не будет. Да и долг перед вами...

— Долг свой ты отработал, когда моих коров от мора заговорил одним своим присутствием, — перебила старуха. — Кровь нам дала земляную силу, болезни ушли. Оставайся, куй железо. Будешь зятем мне, дочке моей муж нужен крепкий.

Я перевел взгляд на Прохора. Кузнец тяжело вздохнул, поднялся и вышел в сени. Вернулся он со свертком грубой кожи. Внутри оказались краюха хлеба, шмат соленого сала, огниво и туго набитый кошель.

— Серебро наше, лесное, — буркнул он, отводя глаза. — На первое время хватит. Дальше сам.

— Спасибо вам, — я поклонился в пояс, чувствуя себя невероятно глупо и одновременно тепло. Впервые за полгода кто-то заботился обо мне.

— Коня дать не могу, — отрезал Прохор. — Жеребчик один, борону таскать некому будет. Ногами пойдешь. До Твердца три дня пути лесом. Держись закатного солнца, но к Дикому Логу не суйся. Там тропы путанные, Леший водит. Ежели увидишь деревья корнями вверх — падай лицом в мох и уши воском залепи, иначе русалки с болот криком душу вынут.

Ночью я долго сидел на крыльце. Над трубой избушки кружили светлячки — маленькие души предков, провожающие путника. Я надел чистую рубаху, портки, подпоясался сыромятным ремнем, куда подвесил клевец. Закинул сумку за спину.

Марфа вышла проводить, всучила мне тряпичный узелок. — Тут травы сонные и соль четверговая. От упырей самое верное средство — солью в глаза сыпани, ослепнут. И хлеб не переводит зазря, крошки птицам кидай, пусть восточку домой несут.

Рассвет застал меня на развилке дорог. Позади осталась деревня Заречье, дымящие трубы кузни и люди, ставшие мне семьей. Впереди темнел стеной вековой бор. Воздух стал густым, запахло прелой листвой и мокрой шерстью.

Я поправил лямку сумки, проверил, легко ли выходит клевец из петли, и шагнул под сень деревьев. Шум человеческого жилья остался за спиной. Впереди был только треск веток, далекий вой и неизвестность города Твердец, где правили посадники, а на площадях все еще стояли идолы древних славянских богов.

****Глава 12. Хозяин троп****

Первый день пути прошел в благоговейной тишине старого бора. Здесь не было привычного мне леса из парков и лесополос. Эти деревья помнили походы вешнего Олега. Мох свисал с ветвей седыми космами, а папоротник-орляк поднимался выше человеческого роста, скрывая под своими листьями прошлогодние кости.

К вечеру я сошел с едва заметной тропы к ручью напиться. Вода была ледяной, ломящей зубы, но сладкой. Когда я выпрямился, мир изменился за один удар сердца. Солнце, стоявшее еще высоко минуту назад, вдруг скрылось за тяжелыми иссиня-черными тучами, хотя ветра не было вовсе. Деревья сомкнулись кронами так плотно, что наступил густой, осязаемый полумрак.

Тропа исчезла. Вместо нее под ногами змеилась узкая звериная стежка, уводящая в непролазную чащу. Я попытался вернуться по своим следам, но стволы вековых дубов словно

сдвинулись, закрывая проход плотной стеной коры. Корни выползали из земли, как бледные черви, цепляясь за сапоги мертвой хваткой.

— Заблудился, путник? — голос прозвучал прямо над ухом. Он не был громким, но вибрировал внутри черепа, отдаваясь болью в зубах, как гул роя озверевших пчел.

Я резко обернулся, выхватывая клевец. Никого. Лишь старый пенёк, поросший опятами, которые теперь складывались в подобие гротескного лица.

— Не то оружие ты на плече носишь, железнорукий, — проскрипел тот же голос, и кора на ближайшем вязе пошла глубокими трещинами, расходясь, как лопающаяся кожа. Из древесины проступило лицо с пустыми глазницами. — Статью Лесного Хозяина не удивишь.

Леший. Прохор предупреждал о нем. В моем мире это были сказки для детей, здесь — суровая реальность выживания. Сердце заколотилось где-то в горле, но паники не было. Только холодный расчет: если гидравлика вышла из-под контроля, нужно срочно глушить двигатель — Мне нужен путь на закат, дедушка, — громко сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пусти. Не ради охоты или баловства иду, долю семейную ишу.

Дерево издало звук, похожий на скрип старой калитки, смазанной дегтем. Из дупла высунулась бледная, тонкая рука, пахнувшая грибницей, сыростью и гнилью.

— Долю, значит? А плату за проезд через мои уголья?

В славянских мифах Леший любил загадки или требовал жертву.

Жертвовать было нечего, кроме хлеба Марфы, а он нужен самому. — У меня нет меда и блинов, хозяин. Но есть руки. Если валежник какой раскидать надо или ручей заваленный расчистить — скажи. Смех Лешего напоминал треск ломающихся сухих сучьев во время пожара. Земля под моими ногами дрогнула, и корни мгновенно обвили лодыжки, запястья и пояс, сдавив ребра. Резкий рывок — и вот я уже висел вниз головой, чувствуя, как кровь приливает к мозгу, а в глазах темнеет от пульсирующего давления.

— Работу нашел? — прошипел дух, наклоняясь ко мне. Его дыхание пахло прелой землей и разложением. — Вот тебе работа. Вытащи мое сердце.

Он указал корявым пальцем на свой собственный ствол. Там, где должно быть дупло, сквозь кору пульсировал комок синего, призрачного света, опутанный сетью красных вен и синих жил-сосудов. Древесина вокруг него стремительно чернела и осыпалась черной трухой. Гангрена живого дерева.

— Вытащишь — выведу. Сломаешь — тут и останешься, мохом покроешься, слизнем станешь.

Корни швырнули меня вперед, впечатав коленями во влажный перегной перед исполином. Я упал на колени перед деревом. Клевец в руке казался нелепым зубилом против такой машины. Но выбора не было. Я занес руку и ударил.

Металл вошел в дерево неожиданно легко. Как только граненый клюв коснулся синей искры, раздался оглушительный визг, переходящий в ультразвук. Леший забился в конвульсиях, его тело-кору начало разрывать изнутри. Красные жилы лопались одна за другой, обдавая меня фонтанами густой, светящейся смолы. Она жгла кожу не хуже кипятка, шипя и пузырясь, прожигая плотную холщовую рубаху.

Я бил снова и снова, вкладывая в удары всю ярость человека, которого жестоко оторвали от семьи. Я работал этим клевцом тысячи раз, дробя гранит и базальт в карьере. Это было то же самое движение, просто цель теперь кричала и истекала светом. С последним ударом синий огонь хрустнул. Я вырвал светящийся кристалл размером с кулак. Он обжигал ладони даже сквозь рукавицу. Боль от ожогов на лице и руках внезапно стихла, сменившись приятным теплом, а кристалл начал остывать, тускнеть и превращаясь в обычный кусок мутного кварца.

Леший рухнул на землю грудой мертвого бурелома. Тяжело дыша, я стоял над ним, сжимая камень. И тут мертвое дерево затряслось мелкой дрожью. Кора осыпалась сухим водопа-

дом, и на ее месте остался стоять сгорбленный старик в одежде из грубо выделанного лыка. Лицо его было серым, пергаментным, глаза тусклыми, почти слепыми.

— Ты убил меня, железо, — прохрипел он, оседая на землю. — Нет, — ответил я, тяжело опираясь на клевец, чтобы не упасть вслед за ним. Ноги предательски дрожали. — Я вырезал твою болезнь. Держи.

Я протянул ему остывший кристалл. Старик недоверчиво взял его костлявыми пальцами и прижал к впалой груди. По его телу прошла волна видимого тепла. Глаза вспыхнули ярко-зеленым огнем лесного пожара. Он медленно распрямился, суставы щелкали, становясь ростом с молодую сосну.

— Смелый. И глупый, — пророкотал уже совсем другой, чистый бас. — Кто же врачевателю нож дает? Чуть глубже резанул бы — истлел бы весь бор до самого Твердеца, одни угли остались.

Леший топнул ногой. Земля содрогнулась так, что я еле устоял, и впереди, сквозь заросли орешника, пробился яркий солнечный свет. Тропа стала широкой, ровной и утоптанной, будто здесь годами ходили сотни людей.

— За дерзость свою и милосердие прими дар, — старик снял с шеи шнурок из сыромятной кожи. На нем болталась костяная фигурка медведя, покрытая древними царапинами. — Наденешь — мимо волков и медведей пройдешь, они тебя за вожака своего примут. Но береги его, чужак. Медведь Велеса честный бой любит, силу уважает, а ты вон какую грязь из нутра моего выгреб. Долг за мной теперь. Позови шепотом в самую темную ночь, когда небо без звезд — услышит Дедко.

Он растворился в воздухе, оставив после себя запах хвои, озона и крепкого табака. Я надел амулет на шею. Руки все еще тряслись от переизбытка адреналина, но я чувствовал странный, звенящий прилив сил.

****Глава 13. Топь и Алатырь****

На второй день лес стал ниже, суше и злее. Под ногами зачавкала ржавая вода. Я вышел к Черному болоту. Тот самый Дикий Лог. Воздух здесь был тяжелым, сизым, пропитанным запахом метана. То и дело из трясины всплывали пузыри газа, издавая протяжные, утробные стоны — казалось, сама земля дышит могилой.

Я шел по единственной сухой гряде, пружинящей под ногами, когда услышал плач. Тонкий, детский, полный такого отчаяния, что оно ножом резало душу. Слева, среди окон открытой воды, покачивалась зеленая кочка, а на ней сидела маленькая девочка в белом сарафане. Она била ладошками по воде и рыдала:

— Помогите! Мамонька! Тону!

Инстинкты отца сработали быстрее разума. Девочка выглядела точь-в-точь как Ленка в три года, такая же курносая, с двумя смешливыми ямочками. Я шагнул с гати в воду, даже не подумав проверить дно шестом.

И провалился сразу по грудь. Ил схватил ноги намертво, превратившись в бетонную смесь. Вода была ледяной, сводящей судорогой икры. Я дернулся вверх — бесполезно. Вязкая масса держала крепко, засасывая сантиметр за сантиметром. Трясина начала медленно, неотвратно втягивать меня в свое брюхо. Девочка на кочке перестала плакать. Ее лицо изменилось пугающе быстро. Кожа натянулась на черепе, став полупрозрачно-синей, рот растянулся от уха до уха, обнажив ряды тонких игл-зубов, как у пирании. Глаза загорелись желтым фосфорическим огнем. Анчутка.

Болотница.

— Тепленький пришел, мя-я-ягонький, — просвистела она, и десятки таких же «детей» начали подниматься из черной воды вокруг меня. Их тела не имели веса, они буквально стояли на поверхности ряски, лишь слегка приминая ее.

Паника сжала горло удавкой. Обычный человек утонул бы здесь за минуты, задохнувшись в холодной грязи. Но полгода работы с пневматикой научили одному закону физики: если зажал грунт — нельзя дергаться рывками, нужно использовать рычаг и вес собственного тела правильно. Паника сжигает кислород. Я перестал сопротивляться погружению. Наоборот, я сделал глубокий вдох, задерживая дыхание, и позволил себе уйти чуть глубже, расслабив ноги, снимая мышечное напряжение и давление с захвата ила. Затем, используя клевец как упор-трезубец, вонзив его в твердое дно (спасибо знакомому геологу, который учил чувствовать породу), я напряг широчайшие мышцы спины и таза, совершая резкое винтовое движение корпусом, выворачивая тазобедренные суставы. Раздался мерзкий, чавкающий звук рвущихся корней водорослей. Ил отпустил правую ногу. Еще одно усилие, толчок свободной ногой — левая свободна.

Я оттолкнулся от дна, взрывая поверхность болота фонтаном грязной воды. Анчутки заверещали высокими, режущими слух голосами — они ненавидели чистую силу жизни и сопротивление.

Они привыкли брать тех, кто слабеет.

Но их было слишком много. Они прыгнули разом, вытянув когтистые пальцы. Острые, похожие на рыболовные крючки когти рванули мою рубашу на плечах, оставляя глубокие борозды на коже. Одна тварь вцепилась зубами в предплечье, пытаясь прокусить вену. Я почувствовал, как в рану проникает трупный яд.

И тогда я вспомнил слова Марфы про соль четверговую. Левой рукой я нашарил на поясе тряпичный узелок. Рванул завязки так, что посыпались узлы. Горсть крупной белой соли полетела прямо в морду ближайшей нежити, целясь в горящие желтые глаза. Раздался звук, с которым бросают сырое мясо на раскаленную сковороду. Плоть анчутки задымилась едким белым дымом, она упала в воду бесформенным куском пузырящейся слизи. Остальные шарахнулись в стороны, шипя, как разъяренные гадюки. Соль выжигала их тьму Нави, действуя сильнее кислоты.

Воспользовавшись секундным замешательством, я размахнулся клевцом. Звездная сталь встретила с плоским черепом болотницы. Раздался хруст проламываемой кости, и верхняя половина твари просто испарилась, развеянная зеленоватым ядовитым дымом. Оружие работало идеально, рассекая саму суть нежити.

Остальные духи, поняв, что добыча им не по зубам, отступили обратно в темноту вод, злобно сверкая глазами из-под ряски. Путь был свободен. Я выбрался на сухое место, подтягиваясь на руках, тяжело дыша. Рубаша висела клочьями, укушенное плечо горело огнем и начинало опухать, но я был жив. И я понял главное: моя человеческая сила инженера здесь умножается на законы этого мира. Знание физики спасает от ловушек природы, знание химии (соль убивает кислоту-тлен) защищает от магии смерти.

****Глава 14. Пробуждение Правы****

Ближе к сумеркам третьего дня я поднялся на высокий, продуваемый всеми ветрами холм. Впереди, в долине, лежал Твердец — частокол заостренных бревен, крыши богатых теремов, сизый дым очагов. Цель была близка. До ворот города оставалось не больше часа ходу.

Именно поэтому я пропустил момент удара. Земля ушла из-под ног внезапно, беззвучно. Огромная паучья лапа, покрытая жестким черным волосом, толщиной с хорошее бревно, выстрелила из оврага справа и подбросила меня в воздух метра на четыре. Время замедлилось. Я видел каждую травинку внизу. Удар о землю пришелся на спину и затылок. Искры посыпались из глаз. Вышибло дыхание. Клевец вылетел из ослабшей руки и зазвенел по камням в нескольких метрах.

Из оврага выбралось нечто. Размером с молодого племенного быка, телом напоминающее паука-охотника, но вместо хитина — ссохшаяся человечина, сшитая толстыми сизыми

жилами. Шесть красных глаз слепо смотрели в разные стороны, лишая тварь слепых зон. Арахнид-пожиратель. Нежить высшего порядка, страж древних черных капищ.

Тварь метнулась ко мне, плюя липкой паутиной из жвал на брюшке. Я перекатился вбок, чувствуя, как нити прожигают землю там, где я только что лежал, с шипением испаряя влагу. Эта кислота разъедала даже камни.

Арахнид поднял сегментированное брюхо, готовясь выпустить новую струю смертоносного яда. Нужно было действовать немедленно. Взгляд зацепился за рукоять клевца. До него метра три. Не доползти.

«Если гора не идет к Магомету...»

Я уперся руками и коленями в сухую, пыльную землю. Закрыв глаза, вспоминая кабину экскаватора. Вспоминая тяжесть ковша, полного мокрого гранита. Представил, что мои руки — это гидравлические поршни огромного давления, а земля — это платформа, которую можно толкнуть.

Земля подо мной глухо застонала. Мелкие камешки подпрыгнули, зависнув на мгновение в воздухе. Я толкнул не почву — я толкнул гравитацию вокруг себя, создав зону уплотнившегося воздуха. Волна невидимой силы ударила в бок многоногой твари, отбрасывая её на несколько шагов прочь, прямо к краю оврага, заставив неуклюже перебирать лапами.

Этого хватило. Я рыбкой нырнул вперед, скользя животом по пыли. Пальцы сомкнулись на холодной стали клевца. Рукоять отозвалась вибрацией, впиваясь в ладонь тысячей невидимых иголок. Дуб почернел там, где я его касался — металл жадно впитывал мой гнев, заряжаясь им.

Арахнид развернулся удивительно быстро для своей туши. Его челюсти защелкали, выпуская капли черного яда, которые оставляли дымные следы в воздухе.

Я не побежал. Я пошел навстречу, тяжело переставляя ноги. Каждый шаг отдавался легким землетрясением. Мои кости больше не были просто кальцием. Сплав земной плоти и звездного металла менял меня изнутри, переписывая код ДНК под этот мир. Я чувствовал, как кровь течет по венам тяжелее ртути, горячая и густая.

Тварь прыгнула, надеясь раздавить массой, припечатать к земле. Я присел низко, пропуская огромное волосатое брюхо над собой, используя инерцию падения врага. Запахло падалью и пылью. И нанес один единственный, идеальный удар снизу вверх. Прямо в мягкое, безволосое подбрюшье, туда, где сходились суставчатые лапы, защищенные лишь тонкой мембраной.

Граненый клюв Небесного камня вошел в плоть нежити как горячий нож входит в масло. Никакого сопротивления костей.

Внутри Арахнида не было алой крови. Было лишь черное марево Нави, клубящаяся тьма первородного хаоса. Но она столкнулась с сиянием Правы, заключенным в моем оружии. Произошел микровзрыв. Клевец пробил позвоночник твари и вышел из спины, увязнув глубоко в каменистой почве оврага.

Арахнид замер. Его шесть глаз одновременно посмотрели на меня с невыразимой древней ненавистью умирающего бога. Суставы лап подкосились. А затем существо рассыпалось в прах. Сухая, жирная пыль накрыла меня с головой, забиваясь в нос и легкие.

Я подошел к клевцу, взялся за рукоять обеими руками и потянул. Ноги по колено ушли в утрамбованную землю — отдача от того удара была колоссальной, сравнимой с работой копера. Оружие вышло наружу с чавканьем. Рукоять из черного дуба осталась чистой, белоснежной там, где я её держал. Металл очистил дерево ложью этой твари.

Я посмотрел на свои руки. Костяшки были сбиты в кровь, ногти сорваны, но раны затягивались на глазах, покрываясь серой, каменистой коркой, похожей на шлак. Под кожей рук мерцали тонкие золотые прожилки, похожие на электрическую схему высоковольтного кабеля.

Я спустился с холма к воротам Твердеца уже другим человеком. Я больше не был Михаычем, потерявшим семью. Я становился Камнерожденным — аватаром тяжелой, первобыт-

ной мощи этого мира, способным голыми руками крошить черепа чудовищ и двигать горы. Ради того, чтобы однажды проложить дорогу домой.

****Глава 15. Ворота Твердеца****

Створки городских ворот оказались выше, чем казались снизу — в три человеческих роста, окованные потемневшей от времени медью. От них пахло гарью, конским потом и вареной репой. Я подошел ближе, тяжело переставляя ноги. Пыль Арахнида покрывала меня с головы до пят серым саваном, а изодранная рубаха едва прикрывала торс.

— Стой! Куда прешь? — со стены свесился стражник в помятом шлеме. В руках он сжимал тяжелый самострел. — Оружие на землю брось, висельник. И руки покажи.

Я медленно воткнул клевец прикладом в мягкую дорожную пыль. Поднимать руку на городскую стражу было глупостью, которую мой новый мир мог не простить.

— Кузнец я. Из Заречья иду, — голос после схваток сел и звучал хрипло. — Работу искать.

Стражники переглянулись. Смеяться они не стали — вид у меня был такой, будто я вылез из самой преисподней: лицо в копоти, глаза воспаленные, плечи перекачаны так, что казалось, шея сейчас переломится под их весом.

— На кузнеца ты похож, как я на княжну, — фыркнул старший караула, но арбалет опустил. — Руки твои вон какие... Ладони сплошной мозолью взялись, да черные по локоть. Проходи. Только железо свое тут оставишь. В городе вольностей нет, с оружием только дружина ходит.

Я кивнул, вытащил из-за голенища нож Марфы (простой кухонный тесак) и положил его рядом с клевцом. Старик-леший дал мне силу, но законы этого мира требовали смирения перед властью посадника.

Внутри ударило жаром и шумом. Если Заречье было тихим выдохом земли, то Твердец оказался ее бьющимся сердцем. Просторные улицы и улочки были забиты народом: скоморохи били в бубны, торговцы надрывали глотки, зазывая купить соленой рыбы или лаптей, нищие тянули грязные ладони. Запахи смешивались в густую кашу: здесь сладко пахло свежеспеченным хлебом, а через шаг — копчёностями или рыбой. Удивительно: у нас в нашем мире писали, что раньше на Руси всё в грязи и чуть ли на берёзе не сидели, а тут чисто, люди улыбаются, всё нарядные.

Я шел сквозь толпу, инстинктивно пригибая голову. Люди сами расступались передо мной. Не потому, что видели во мне угрозу — просто моя тень была слишком тяжелой, а воздух вокруг казался плотным и горячим, словно от печки. Мое присутствие давило на уши низкочастотным гулом.

Мне нужна была работа. Деньги закончились еще вчера, осталась лишь горсть соли. Найти постоянный двор без серебра нечего и думать, значит, нужно сразу идти туда, где ценят грубую силу.

****Глава 16. Кузня «Медвежий угол»****

Кузнецкий ряд гудел, как растревоженный улей. Гул сотен молотов сливался в единую симфонию созидания. Искры летели реками, шипя в лужах под ногами. Я шел вдоль фасадов, заглядывая внутрь. Здесь ковали гвозди, подковы, обручи для бочек. Мелкая работа для ремесленников.

Но в самом конце ряда, там, где улица упиралась в овраг, стояла приземистая бревенчатая изба без единого окна. Вместо вывески над дверью висела настоящая медвежья голова с желтыми клыками. Из трубы валил жирный черный дым, пахнущий жженым рогом и углем первой плавки. Удары отсюда доносились другие — редкие, тяжелые, заставляющие землю вибрировать. Так бьет пятидесятикилограммовая «баба».

Я толкнул тяжелую дверь. Внутри царил полумрак, разрезаемый лишь багровым светом горна. Посреди кузни стоял квадратный столб — основание для работы тяжеловеса. У нако-

вальни, которая размерами напоминала скорее жертвенный алтарь, работал гигант. Ростом он был почти с меня, но вдвое шире в плечах. Его спина бугрилась мышцами, когда он заносил молот-голем, который обычный человек и сдвинуть бы с трудом смог.

Он наносил удар по раскаленному брусу металла толщиной с бедро взрослого мужчины. Брус жалобно застонал и пошел трещиной. — Металл жалеешь, Ждан, — раздался скрипучий женский голос откуда-то из угла. — Бей в сердцевину, не гладь!

У верстака сидела старуха. Сухая, сморщенная, с глазами острыми, как шилья. Она перебирала пучки сушеных трав, но взгляд ее неотрывно следил за работой кузнеца.

Гигант-Ждан зарычал что-то неразборчивое и нанес последний, сокрушительный удар. Брус лопнул с оглушительным треском. Кузнец обернулся, вытирая лоб рукавом холщовой куртки. Его лицо было черным от сажи, только зубы блестели белизной. — Кого лешак принес? — пророкотал он, заметив мою фигуру в проеме двери. — Ты чего загораживаешь свет, детина? Или работу ищешь?

— Ее самую, — сказал я и шагнул вперед, прямо в полосу света от горна. — Михалыч меня зовут. Железо чувствую.

Ждан смерил меня взглядом с ног до головы. Посмотрел на мои руки, лишённые привычных для деревенского кузнеца ожогов от цепных мехов. Посмотрел на шею, где поверх моей кожи темнел костяной амулет Велеса.

— Чувствуешь, говоришь? — он осклабился. — А ну-ка, иди сюда. Видишь этот палец? — Он указал на огромную шестерню подъемного механизма, лежащую на полу. Зуб обломан. — Третий день стоит работа. Наши зубила крошатся, металл сырой. Выкуй мне новый зуб. Инструмент вон там бери. Справишься — накормлю и угол дам. Нет — вылетишь пинком под зад.

Это был тест. Тест на понимание структуры металла. Обычный мастер стал бы калий заготовку часами. Но я видел это тысячи раз. Эскаватор ломает такие детали, если машинист ошибается с нагрузкой на сталь.

Я молча скинул остатки рубахи, чтобы ткань не стесняла движений, взял длинные клещи и подошел к горну. Сунул в пламя подходящий кусок рессорной полосы.

— Уголь мелкий сыпь, тягу сбавь, — бросил я подмастерьям, которые смотрели на меня как на безумца. — Белое каление нам не нужно, пережжем зерно. Нам нужен ровный оранжевый цвет. Как апельсин. Старуха у стены тихо хмыкнула. Ждан нахмурился, но промолчал. Когда металл достиг нужного цвета, я вынул его. Мне не нужен был лекальный молоток. Я перехватил полосу вторым комплектом клещей и, используя свой вес, колено и край наковальни как гибочный пресс, начал гнуть раскаленную сталь руками, придавая ей форму идеального зуба. Каждое движение было точным расчетом рычага. Я плющил металл ударами ручника, вкладывая в них ровно столько силы, сколько требовала физика деформации, а не ярость. Зуб был готов за двадцать минут. Пока он остывал, я зачерпнул ведро воды из кадки и высыпал туда всю соль четверговую. Размешал палкой. Закалка в солевом растворе даст нужную вязкость — зуб будет держать удар, но не лопнет от вибрации.

— Опускай, — скомандовал я Ждану.

Гигант недоверчиво поднял механизм. Тяжелая шестерня пошла вниз. Новый зуб вошел в паз старого бруса с глухим щелчком.

Идеально.

Я взял тяжелый кузнечный молот и один раз ударил по основанию стыка, осаживая металл. Затем достал зубило.

— Дай клеймо, — попросил я хозяина.

Ждан протянул мне свою личную печать — букву "Ж".

Я нагрел её добела и приложил к новому зубу. Дерево рукояти моего клевца, висящего на поясе, внезапно обожгло бедро ледяным холодом. Амулет Велеса предупреждал.

Я замер с занесенным клеймом. Что-то было не так. Звук. За ревом горна и стуком других кузниц я услышал его не ушами — позвоночником. Низкий, утробный рык, переходящий в скрежет рвущегося железа.

Дверь кузни слетела с петель, разбрызгивая щепу.

На пороге стояло существо, сотканное из поломанных кос, серпов и ржавых цепей. Голова его была перевернутым плугом. Это был Железняк — дух мертвого поломанного железа, брат того Лешего, которого я лечил, но отравленный ненавистью к человеческому труду. Видимо, часть той синей гнили, что я вырезал, нашла себе новый сосуд.

— Колдун! — взвизгнула старуха, роняя травы. — Чернобогово семя!

Оно твой след учуяло!

Трое подмастерьев бросились бежать. Ждан остался стоять, сжимая свой чудовищный молот, но даже его мощная фигура казалась игрушечной перед этим монстром.

Железняк двинулся прямо ко мне. Цепи на его теле натянулись, готовые выстрелить, как баллиста. Взгляд пустых глазниц-плугов был устремлен на мое оружие. На звездную сталь.

****Глава 17. Гнев наковальни****

Железняк шагнул внутрь, и пламя в горне жалобно зашипело, съезжаясь от мертвого холода. Ржавчина посыпалась с его тела сухим дождем, оседая на верстаках серой гнилью. Воздух стал тяжелым, дышать им было все равно что вдыхать металлическую стружку.

— Отдай то, что греет твою кровь, — проскрежетал дух, и половицы под его ногами пошли черной патиной. — Звездный камень не для рук из мяса.

Ждан взревел. Он вскинул свой молот-голем, собираясь встретить тварь ударом в грудь, но я выбросил руку назад, упираясь ладонью кузнецу в ключицу. Мой вес был тяжелее камня, и Ждан остался на месте, тяжело дыша мне в затылок.

— Стой, мастер, — ровно сказал я. — Молотом его не взять. Это не плоть, это усталость металла. Если ударишь — он рассыплется пылью и заберет с собой всю твою кузню.

Старуха у стены выводила защитные знаки узловатыми пальцами, бормоча обереги. Подмастерья забились за кадки с водой, их лица позеленели.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как золотые прожилки под кожей начинают пульсировать в такт гулу раскаленного угля. Я больше не

Михалыч, потерявший семью в бетонной коробке. Я — Камнерожденный. И сейчас я стоял в самом сердце творения.

— Ты пахнешь сломанным плугом и брошенным полем, — бросил я Железняку, делая шаг вперед. — Тебя забыли хозяева. Но здесь тебе жатвы не будет.

Тварь оскалилась перевернутым лемехом. Цепи на ее боках со свистом распрямились, устремляясь ко мне жалящими змеями. Они метили не убить — они метили опутать, сковать движения, чтобы ржавчина успела добраться до моих костей.

Я не стал уворачиваться. Вместо этого я упал на одно колено прямо перед наковальней-алтарем. Удар цепей пришелся по спине. Лязгнуло так, что зазвенело в ушах. Холодное железо обожгло кожу, пытаюсь высосать тепло жизни. Но моя спина встретила удар уже измененной плотью. Звенья соскользнули по каменистой корке, оставляя лишь глубокие борозды.

Не давая духу замаха для второго удара, я схватил обе цепи голыми руками чуть ниже тяжелых гирь-противовесов.

Мои пальцы сомкнулись на ржавом металле. Внутри меня щелкнул невидимый переключатель. Я перестал быть просто человеком, который толкает гравитацию. Я стал проводником. Вся тяжесть земли, вся инерция Твердеца, гул сотен молотов снаружи — всё это хлынуло через мои ступни, колени и позвоночник прямо в ладони.

— Пей, — прохрипел я сквозь сжатые зубы.

Цепи натянулись струнами. Послышался звук, похожий на визг рвущегося троса. Железняк дернулся назад, пытаюсь вырвать свое оружие, но держал уже не человек. Держал аватар

первобытной мощи. Металл в моих руках начал багроветь. Сначала тускло, потом ярче углей в горне. С ржи закапала черная жиж — сгорающая скверна.

— Ждан! Бей! — крикнул я, вкладывая остатки сил в удержание. Кузнец понял без лишних слов. Он не стал размахиваться своим чудовищным молотом. Шагнул вплотную к скованному мною духу, он коротко, почти нежно опустил «бабу» на плечо Железняка. Как опускают чекан на монету.

Удар тяжелой стали о разогретую моим гневом рухлядь прозвучал как удар соборного колокола.

Произошло невозможное. Железняк не развалился. От места удара пошла ослепительная белая волна перековки. Ржавые косы вспыхнули искрами чистой окалины, плуг-голову повело от температуры плавления, а цепи в моих руках лопнули одновременно. Раздался оглушительный хлопок, словно взорвалась паровая магистраль.

Дух мертвого железа издал последний звук — тонкий писк остывающего чайника — и рухнул на пол бесформенной грудой покорёженного сельхозинвентаря. Угроза исчезла. Остался лишь ржавый, покорёженный металл.

В кузне повисла тишина, нарушаемая только шипением воды, которую подмастерья в ужасе плеснули на останки твари. Я разжал кулаки. Ладони были целы, если не считать глубоких, идеально круглых ожогов там, где звенья касались кожи. Золотые нити под ними светились ярко, выжигая сажу с моего торса. Ждан смотрел на свою наковальню, затем перевел взгляд на обломки железа, и широкая, щербатая ухмылка расплзлась по его закопченному лицу.

— Клянусь бородой Сварога, — пробасил он, вытирая пот рукавом. — Ты не куешь, Михалыч. Ты усмиряешь. Старуха!

— Чего орешь, медведь? — скрипнула та, хотя сидела в двух шагах. Она уже была на ногах, доставая из сумы пучки зверобоя и глиняный горшочек с густой мазью. — Дай сюда руки, дурень каменный. Ожог вон какой тепени, мясо почернело, а он стоит улыбается. Она ловко, сильными пальцами принялась втирать мазь в мои ладони. Пахло медом, дегтем и чем-то горьким, подземельным. — В печь эту труху, — кивнул Ждан подмастерьям на грудку железа. — Переплавим на обручи. А ты... — гигант подошел ко мне и вдруг неуклюже поклонился в пояс, задев макушкой низкую потолочную балку. — Прости за проверку, мастер. Не знал, кого привел леший. Старуха закончила с одной рукой и требовательно подставила вторую.

— Закончим реверансы, пока парень кровью не истек, — буркнула она. — Доски кончились, уголь на исходе, шестерню ты ему сделал, а новую беду сам же в дом и привел. Работать кто будет? Ждан выпрямился, его лицо снова стало суровым, хозяйским. — Будешь стоять у главного горна, — отрезал он, снимая с себя кожаный фартук и швыряя его мне. — Меха́ми воро́чать тебя ставить глупо, ты их вместе с фундаментом в землю вдавишь. Бери клещи.

Сейчас придет обоз с болотной рудой, сырую варить будем. Покажешь, как сталь звездную чувствовать. А за постой... будешь чинить мой подъемник. Тот самый палец теперь твой. И зуб тоже. Инструмент береги, чужого не бери. Имя свое сам на клеймо поставишь, когда заслужишь.

Он протянул мне огромную, жесткую, как древесная кора, ладонь. Я пожал её. Моя новая, покрытая волдырями рука утонула в его пятерне полностью. Давление было таким, что затрещали суставы, но я ответил тем же, вложив в хват ровно столько силы, чтобы старый медведь почувствовал: рядом встал равный.

— Уголь мелкий сыпь, тягу сбавь, — повторил я его недавний урок, глядя в красные глаза горна. — Белое каление нам не нужно. За спиной тихо закрылась обитая железом дверь. Город Твердец принял меня не как гостя, но как часть своего тяжелого, жаркого нутра. Впереди была долгая ночь варки стали, запах окалины и первый честный хлеб этого мира.

Глава 19. Молоко земли

Ночь в Твердеце пахла не страхом, а честным трудом и сытостью. Когда мы вышли из «Медвежьего угла», чтобы вдохнуть прохлады, город предстал передо мной во всем своем могучем величии. Это был не просто частокол заостренных бревен, о котором я думал по пути сюда. Твердец стоял на высоком холме, словно каменная ладонь, сжатая в кулак посреди бескрайних лесов.

Снаружи кузнечного ряда шум стих, сменившись глубоким, мерным дыханием спящего исполина. Слышно было, как внизу, у подножия холма, тяжело ворочается река — широкая, полноводная Стрыя, питающая городские рвы. Над водой клубился густой, белый туман, подсвеченный снизу огнями ночной стражи, отчего казалось, будто сама река курится священным дымом.

Улицы были вымощены не камнем, а толстыми дубовыми плахами, уложенными на мощные лаги. Древесина потемнела от времени и тысяч шагов, но ступать по ней было мягко и упруго. Вдоль стен тянулись деревянные желоба-водостоки, искусно вырезанные в виде извивающихся змей с распахнутыми пастьми — работа местных резчиков, почитающих Ящера как хозяина подземных вод. Из пастей непрерывно сочилась чистая родниковая вода, собираясь в глубоких каменных чашах. Вода в них была ледяной даже сейчас, в середине лета, и светляки, выпущенные детьми днем для забавы, до сих пор сонно кружили над самой поверхностью, освещая гладь зеленоватым светом.

Город не спал мертвым сном камня, он жил ночной жизнью ремесла. То тут, то там сквозь слюдяные оконца пробивался теплый, медовый свет. Там продолжали работу: скрипели тяжелые ткацкие станы, выпуская бесконечные полотнища льна; гудели гончарные круги, где мастера лепили корчаги невиданной прочности; щелкали ножи шорников. На перекрестках под навесами стояли большие глиняные корчаги с узким горлом — зерновые сулеи. Любой путник, будь то знатный дружинник или босой сирота, мог подойти, зачерпнуть ковшом густого овсяного киселя или холодного хлебного кваса. Никто не боялся отравы здесь, под защитой законов посадника и негласного закона братчины.

— Хорошо сработали, — гулко произнес Ждан, останавливаясь рядом со мной. Он снял кожаный фартук, перекинул его через плечо и теперь казался не грозным великаном, а добродушным хозяином, закончившим дневной урок. От него пахло горном и железом. — Думаешь, почему наши мечи половецкую саблю пополам рубят, а их стрелы от наших щитов щепой летят? Не только потому, что железо доброе. Мы землю свою чтим.

Он обвел рукой широкую площадь перед Кузнечным концом. Посреди нее высился огромный деревянный идол Велеса. Днем его покрывала свежая береста, а сейчас лунный свет серебрил суровое лицо бога скота и мудрости. У подножия идола лежали свежие дары:

каравай ноздреватого хлеба с румяной коркой, кринка парного молока, еще теплого, укутанного чистым рушником с красной вышивкой по краю, и несколько крупных, восково-желтых сот дикого меда. Ни капли крови, ни одного жертвенного ножа. Только плоды труда.

— Видишь? — Ждан кивнул на молоко. — Земля наша щедрая. Если ей лгать не будешь, она тебе любую руду отдаст. А ты... — кузнец прищурился, глядя на мои руки, которые уже почти перестали болеть от ожогов и зажили. — Ты эту правду кожей помнишь. Пойдем. Уговор дороже денег, да и брюхо к спине липнет. Старуха моя, Любава, такую кулебяку затеяла с вязигой и грибами, что ради одного её запаха стоит весь этот город построить.

Жилище Зелейницы Любавы примыкало прямо к задней стене кузни. Низкая дверь, к которой нужно было наклоняться, чтобы не расшибить лоб, вела не сразу в тепло, а в небольшие сени. Здесь царил свой, особый мир, понятный лишь тем, кто живет в ладу с лесом. Под потолком висели гирлянды сушеных трав, создавая живой, колеблющийся свод. Связки зверобоя, плакун-травы и полыни издавали терпкий, чуть горьковатый аромат, перебивающий запах гари. На широких лавках вдоль стен стояли туеса из бересты — легкие, звонкие короба,

промазанные по швам смолой, чтобы хранить запасы сухим. В углу, накрытый холстиной, дышал теплом большой пузатый самовар, похожий на купчину в атласном кафтане.

Внутри же, в горнице, оказалось неожиданно просторно. Свет давала не лучина, от которой вечно пляшут тени и щиплет глаза, а высокий светец, заправленный толстым фитилем из особым образом скрученного хлопка, плавающим в очищенном конопляном масле. Огонь горел ровно, высоким желтым языком без копоти, заливая комнату уютом.

Любава орудовала ухватом у устья огромной русской печи.

Массивная, беленая, расписанная по краям синими петухами, она занимала треть дома. Это было сердце любого славянского жилья. Печь не просто грела — она лечила грудную жабу паром с отваром малины, на ее лежанке рождались дети и отходили в Ирий старики, в её чреве томились каши и запекались гуси. Рядом с печью, в деревянном зыбке, подвешенном к потолочной балке на витых веревках, тихо посапывал младенец кого-то из подмастерьев, которого принесли на ночь к мудрой бабке — так велось исстари, чтобы ребенок набирался силы здорового сна.

— Садись к столу, работник, — не оборачиваясь, бросила старуха. Голос её потерял утреннюю скрипучесть, став мягким, как растопленный воск. — Руки давай.

Я сел на массивную скамью, покрытую пушистым меховым ковриком — не охотничьим трофеем, а старым, потертым одеялом из волчьей шкуры, дарующим покой. Любава плеснула мне в плошку густого, янтарного масла, настоенного на календуле и живице кедра. — Руны твои золотые вижу, — сказала она, принимаясь разминать мои пальцы. Давление было сильным, целительным. — Кровь твоя ныне не токмо красная, но и рудная. Тяжелая кровь, Михайч. Опасная для дурного человека. Но Ждану ты по нраву пришелся, а значит, и городу сгодишься. У нас тут испокон веку силу уважают, коли она на созидание глядит.

Она ловко обернула мои ладони чистыми льняными тряпицами. — Ешь давай. Силу восполнять надо, пока Морена за плечи не обняла.

На столе стояло богатство, какого я не видел в Заречье. Деревянные тарелки — точеные, гладкие, покрытые лаком из льняного семени — ломились от еды. В центре возвышалась та самая кулебяка:

многослойный пирог, чья крыша из теста блестела от смазанного сверху желтка. При нажатии ножом она хрустнула, выпустив облако пара, пропитанного запахом жареного лука, речной рыбы и рассыпчатого гречишного зерна.

Рядом стояла большая миска с топленным маслом, в котором таяла ложка, гора соленых рыжиков, политых душистым подсолнечным маслом и пересыпанных кольцами белого репчатого лука. В деревянных долбленых корытцах лежала строганина из замороженной накануне осетрины — полупрозрачные

розовато-белые лепестки, которые нужно было макать в смесь соли и черного перца.

Ждан, сидевший во главе стола, широким ножом отрезал мне увесистый ломоть свежего, еще дышащего ржаного хлеба. Корка его пахла углями и медом, а мякиш был ноздреватым и влажным. — Испекли сегодня, на хмелевой закваске, — с гордостью сказал кузнец, подвигая ко мне ломоть. — Макай в мёд, не стесняйся. Наше мёд, с нашей пасеки. Пчелы нынче с кипрея брали, оно горло смягчит после пыли железной.

Мы ели молча, отдавая дань уважения хлебу. Звякали деревянные ложки о керамические мисы с толченой картошкой, смешанной с творогом и зеленым луком. Каждый кусок этой простой пищи возвращал меня к жизни лучше любых целебных эликсиров. Это была плоть самой земли — щедрой, плодородной, согретой ласковым солнцем Ярилы.

Когда первый голод был утолен, а в тяжелой ендове заплескался холодный, духмяный мед, сваренный на семи травах, Ждан довольно, едва слышно рыгнул в кулак — жест вежливости, означающий сытость хозяина, — и откинулся к стене.

— Завтра пойдешь со мной на болото, — внезапно сменил он тему. — Руду принимать будем. Болотная руда — она капризная, девка гулящая. Сегодня есть, завтра дождем смыло. Сторожат её мавки крепко. Одному ходить — пупок развяжется, в трясину уволокут. А с тобой... — он хитро улыбнулся, поглаживая бороду. — Говорят, ежели Камнерожденный по трясине пойдет, она под ним каменеет. Посмотрим, байки это аль правда. Обуешься вот в эти поршни, — он кивнул на пару огромных плетеных лаптей невероятного размера, стоящих у порога, — чтоб ногу не засосало. Да кистень возьми, водяной черт шутить не любит.

Я посмотрел на свои перевязанные руки, затем на блики огня в медовом напитке. За окном тихо шелестел листвой ночной сад Любавы, где среди капусты и репы росли редкие травы, названия которых знали только ведуньи. Впервые за долгое время тяжесть внутри меня стала не бременем изгнанника, а фундаментом строителя.

****Глава 20. Топь Велеса****

Утро выдалось сырым и тяжелым. Туман, поднявшийся от Стрыи, накрыл Твердец плотным ватным одеялом, съедая звуки и очертания. Видно было лишь на три сажени вперед. Ждан уже ждал меня у задних ворот кузни. На нем была надета кожаная юбка из толстой бычьей шкуры, а в руках он держал длинный багор с железным крюком.

— Проснулся, каменный? — хмыкнул он, оглядывая меня. Я спал прямо на лавке в сенях Любавы, укрывшись тем самым волчьим ковриком. Сон не принес покоя — снова снились жена и дочка. Снова наш двор в Мытищах, запах озона после майской грозы и смех дочки на качелях. Я проснулся со вкусом пепла во рту. Золотые прожилки под моей кожей пульсировали ровно и глубоко, словно второе сердце, напоминая, что это чужое тело больше мне не принадлежит. — Скидывай сапоги. В коже утопнешь сразу.

Я стянул тяжелые поршни и остался босиком. Прохладная утренняя роса приятно холодила ступни, но я едва ли замечал её.

— Босым пойдешь? — удивился великан, когда я шагнул к нему. — Там коряги острые, как зубы щучьи. Да и пиявок видимо-невидимо.

— Земля сама скажет, куда ногу ставить, — ответил я механически. Мой мозг работал как вычислительная машина, анализируя плотность грунта, влажность воздуха и угол падения редких солнечных лучей сквозь туман. Мне нужно выжить. Нужно стать сильнее. Где-то здесь должен быть проход обратно, аномалия, разрыв ткани миров. И чтобы его найти, придется играть по их правилам.

Мы двинулись вдоль городской стены, мимо сонных дозорных. Чем дальше мы уходили от холма Твердеца, тем мягче становилась почва. Вскоре дубовые плахи сменились пружинящим мхом, а воздух наполнился запахом гнили, стоячей воды и цветущего багульника. Идти стало тяжело. Ноги вязли по щиколотку, чавкающая грязь пыталась стянуть обувь. Под ногами что-то мерзко хрустело — то ли старые кости, то ли сухие ветки. Каждая клетка моего тела кричала о том, насколько этот мир биологически враждебен.

Ждан шел впереди, мерно работая своим длинным шестом, проверяя дно перед каждым шагом.

— Здесь раньше капище древнее было, — бросил он через плечо. — До того, как первый камень города лег. Мавки тут злые, Михалыч. Они железо жрут. Если увидят на тебе кольчугу или нож хороший — со дна утянут, ржавчиной покроют и заставят веки вечные ил ворочать. А тебя... тебя они, пожалуй, побоятся. Ты для них слишком твердый. Как валун замшелый.

Болото расступилось внезапно. Мы вышли на широкую поляну, залитую мутной водой. Над ней стелился сизый пар. И там, метрах в пятидесяти от берега, вода темнела, приобретая густой красно-бурый оттенок. Болотная руда. Жирная, тяжелая, богатая.

— Пришли, — выдохнул Ждан. — Сейчас лодку кликну. Он сложил ладони рупором и издал странный звук — низкий, вибрирующий гул. Поверхность воды дрогнула. Из тумана медленно вынырнуло нечто, напоминающее гигантскую плетеную корзину без дна. Ее тянули

две бледные фигуры с длинными зелеными волосами. Мавки. Их лица были красивы той мертвой красотой, что пугает до дрожи.

Лодка-клетка подплыла к самому берегу. Ждан ловко запрыгнул внутрь. Протянул мне руку.

— Давай, мастер. Только руками за борт не хватайся, пальцы отгрызут.

Я шагнул к кромке воды. Мох под моей правой ногой вдруг перестал пружинить. Он стал жестким, шершавым, покрытым сеткой мелких трещин, словно застывшая лава. Я перенес вес на левую ногу — она начала тонуть в черной жиже. Отдернул. Опустил правую — снова камень.

Это был не дар богов. Это моя собственная физика, мое проклятие и мой единственный шанс вернуться. Чтобы управлять гравитационной постоянной вокруг себя, нужна колоссальная энергия. Значит, чем глубже я увязну в местной магии, тем выше мои шансы пробить барьер между мирами. Я могу заставить топь твердеть. Но только точно, только там, где касаюсь её сам. Я пошел по болоту, оставляя за собой дорожку из серого, мертвого камня посреди живой, дышащей трясины. Мавки внизу забеспокоились. Вода вокруг моих лодыжек вскипела зеленоватой пеной, длинные руки потянулись вверх, пытаюсь схватить меня за колени, но стоило им коснуться окаменевшего ила, как их ногти с треском ломались о гранит.

— Перун отец! — пробормотал Ждан, осеняя себя знаком-оберегом. — Вот теперь верю байкам. Шагай ровнее, нам вон тот пласт брать надо.

Мы достигли рудного пятна. Кузнец опустил багор в воду. Ловко поддел тяжелый ком земли, подтянул к борту. Я перехватил его клещами и одним движением вырвал кусок породы из пасти болота. Вода возмущенно взревела. Со всех сторон начали подниматься тени: шишиги, зеленые чертики с глазами-пузырями, юркие водяные крысы. Десятки голодных тварей, привлеченных вибрацией моего шага.

— Держи левый борт! — рявкнул Ждан, перехватывая багор как копье. — Сейчас веселиться будем!

Первая крыса размером с хорошего поросенка метнулась ко мне. Я не стал бить её железом. Сделал шаг в сторону, вбивая пятку в топь. Болото под ударом превратилось в острый шип базальта. Крыса всей массой налетела на невидимый сталагмит, пронзивший её насквозь. Тварь завершала, растворяясь в облаке грязной пены. Но их было слишком много. Они лезли через борта лодки. Одна из шишиг прыгнула кузнецу на спину. Ждан качнулся, едва не перевернув наше суденышко.

Я ударил кулаком по дну нашей корзины. Не сильно, ровно так, чтобы передать импульс. Дерево затрещало, болотная жижа под нами мгновенно обратилась в монолит. Ударная волна пошла вниз. Вся мелкая нечисть рухнула на возникшее каменное плато. Раздался хруст десятков панцирей и костей. Вода окрасилась бурым.

Твари замешкались. Камень лишил их маневра.

— Хорош! — прохрипел Ждан, насаживая на багор очередную гадину.

— Хватит рыбу глушить! Грузи давай!

Мы работали как единый механизм. Мои костяшки были сбиты в кровь, но раны закрывались почти мгновенно — тело продолжало перестраиваться, впитывая стойкость гранита. Боль возвращала меня в реальность, отрывая от мыслей о теплой московской квартире.

Когда дно лодки опасно просело под тяжестью добычи, а солнце наконец пробило лучами пелену тумана, мы погребли назад. Позади нас осталось выжженное пятно болота — памятник битве. На берегу нас встречали подмастерья. Ждан выбрался первым, пошатываясь. Посмотрел на меня.

— Руда добрая будет, — сипло сказал он. — Легированная. Кровью чертовой политая. Из такой стали мечи ковать — одно загляденье.

Он подошел вплотную, нависая надо мной своей горой. — В Кузнечном конце говорят разное про тебя, Михалыч. Что ты Чернобогов выкормишь, раз земля тебя слушается. Дураки они.

Оставайся. Старуха моя блинов нынче затеет, с икрой паюсной. Я посмотрел на свои руки. Перчатки висели ключьями. Под ними переливалась золотая сеть вен. Амулет Велеса на шее был ледяным. Бог мудрости молчал. Ему плевать на инженера Михалыча, который хочет домой к семье. Этому миру нужен молотобоец.

— Останусь, — кивнул я. Голос прозвучал глухо. — Пока останусь. Но учить будешь строго. Мне нужно знать всё. От жил рудоносных до заговоров.

Ждан довольно рыкнул, хлопнув меня по плечу.

— Пойдем. Чистить будем. По-нашему, по-твердецки. Березовым веником, голышом, да в ледяной купели. Первый закон мастера: снаружи должно быть чище, чем внутри заготовки. И мы пошли к городу, оставляя за собой глубокие следы.

****Глава 21. Закалка слова****

****Баня Зелейницы Любавы**** стояла на самом краю оврага. Старая, прокопченная дочерна, она дышала сухим жаром. Внутри пахло квасным духом, липовым цветом и раскаленным камнем-голышом.

— Одежду скидай здесь, — велела старуха. — А с ней спорить — только время терять.

Я разделся. Ждан уже сидел на верхнем полке, красный, как вареный рак, охаживая себя вениками. Воздух наверху был таким густым, что его приходилось разводить руками.

Любава плеснула из деревянного ковши на камни. Угол бани заволокло белым паром. Я почувствовал, как легкие сжимаются. Закрыв глаза, представляя, что это всего лишь парилка у деда в бане. Представлял жену рядом: как она смеется и плещет мне в лицо холодной водой.

— Ложись на живот, работник, — приказала старуха.

Я лег ничком. Любава зачерпнула из бадьи густую темно-зеленую жижу — кашицу из толченой крапивы, полыни и глины.

— Золото свое прятать пытаешься, — проворчала она, начиная втирать смесь мне в спину. Боль была адской. Крапива жгла ожоги от цепей Железняка. — Думаешь, если плечи сгорбишь, свет меньше станет? Глупец. Чем сильнее давишь на искру, тем быстрее пожар. Терпи.

Её пальцы проминали узлы мышц.

— В тебе два огня живут, — приговаривала Любава. — Один небесный, рваный. Молодня. Он тебя греет, но душу палит, покоя не дает. Второй — подземный. Медленный, тяжелый. Тот самый камень. Ты научился его наружу выпускать, когда страх берет. А внутрь пускать боишься.

— Если пуцу, стану идолом, — прохрипел я в деревянный настил. — Обелиском безвольным.

— Станешь дураком, если вовремя не остановишься, — отрезала старуха, макая веник в ледяную воду. — Равновесие держать надо. Перекалишь золото — истлеет. Передержишь в угле — станет чугун, лопнет от первого удара. Учить тебя некому. Но слушать ты должен не нутро свое гордое, а мир вокруг.

Она отошла к печи. Вернулась с кружкой, от которой пахло медом и травами.

— Пей. Малыми глотками. Это жизнь твоя сейчас пересохла.

Напиток огнем прокатился по пищеводу. Золотые нити под моей кожей замедлили ритм. Ревущий огонь внутри присмирел.

— Завтра Мокошин день, — сказала Любава, садясь рядом с веретеном. — Пряжи небесные судьбы мотают. Пойдешь на площадь, к торгу. Найдешь там девку одну, травницу беглую. Дарья её зовут. Глаза у неё больные, слезятся постоянно — ветром степным сожгло, когда от половцев бежала. Возьмёшь её в дом. Помощницей мне будет.

— Зачем она мне? — спросил я. Мысль о том, чтобы привязываться к кому-то здесь, вызывала глухое раздражение. Моя семья осталась *там*.

— Затем, что сила твоя растет, — голос старухи стал тише. — Ты зверя лесного лечишь, духов железных убиваешь. Скоро простой люд тебя бояться начнет. Шепот пойдет, что ты Морене служишь. А баба рядом — она якорь. Она дурному человеку голову быстро на место ставит. Да и рубаху постирать кому-то надо, не вечно же тебе в саже ходить, Камнерожденный.

Ждан внизу крикнул, переворачиваясь на спину.

— Правду мать говорит, — басом поддержал он. — Одинокий молот долго не живет. Либо сотрется, либо разобьют. Тебе семья нужна, Михалыч.

Я закрыл глаза. Идея иметь кого-то рядом казалась правильной с точки зрения логистики, но пустой эмоционально. Семья у меня одна. И ради неё я переварю эту чертову магию до самого дна.

— Пусть приходит, — согласился я. — Но учти, Любава. Если она окажется навкой или берегиней подсылной, я её обратно в реку брошу. Вместе с твоим веретенем.

Старуха мелко засмеялась.

— Договорились, медведь. А теперь ложись на спину. Будем твою грудь править...

Жар сомкнул свои объятия окончательно, вымывая из костей усталость этого чужого дня. Впереди была новая нить судьбы, которую предстояло вплести в полотно этого сурового мира, чтобы однажды распустить её и шагнуть в портал.

****Глава 22. Чужое тепло****

Утро Мокошина дня выдалось пронзительно ясным. Туман, всю ночь душивший Твердец, наконец-то истаял, обнажив черепичные крыши и золоченый лик идола Велеса на площади. Воздух пах свежестью, печеным хлебом и дымом — запахом нормальной жизни.

И именно эта нормальность резала по живому.

Я стоял у верстака, сжимая в руках раскаленную поковку. Металл под клещами послушно плющился, принимая форму зубила, но я не чувствовал его обычной певучей податливости. В голове стучало одно: *сегодня моя дочка идет в первый класс*. Мы купили ей белые банты размером с капустный лист и букет гладиолусов, который был выше её самой. Жена наверняка сейчас нервничает, поправляет дочке курточку и вытирает платком воображаемую пылинку с воротника. А я стою здесь, в пышущей жаром кузне, и кую железо.

Тоска была физической. Она давила на грудную клетку тяжелее, чем молот Ждана.

— Не сплющи, — раздался за спиной тихий голос. — Ты держишь его мертвой хваткой, кузнец. Железо любит ласку, а не ярость брошенной жены.

****Глава 23. Дарья****

Утром, когда Дарья отогрелась после ночевки на лавке, бабка отправила её умыться, дала чистую рубаху, сунула ей в руки стопку чистого полотна, кусок едкого щёлока и дала четкую инструкцию: «Кузнец с ночи горн запалил, значит, умываться станет да рубаху менять. Иди к нему в кузню, воду горячую оставь, полотно смочи. Только громко не топай, он железо слушает, тебя всё равно не услышит».

Для Дарьи это был первый выход в город без надзора. Она шла по утренним улочкам Твердеча, ориентируясь на запах дыма и низкий гул ударов. В чужом городе звук работающего молота для неё — такой же маяк безопасности, как звон колокола для заблудившегося прихожанина. Кузница стала единственным местом, где точно есть живой человек, занятый понятным делом. Ей нужно было просто оставить ушат у порога, но любопытство или странное чутье заставили её переступить порог.

Она стояла в двух шагах от меня, прижимая к груди стопку чистого льняного полотна. Утренний свет из слюдяного оконца падал на её лицо, и теперь, когда она умылась и переоделась в чистую рубаху Любавы, стало видно, насколько она истощена. Острые ключицы, тонкие запястья... Но глаза... Глаза были самым страшным. Огромные, серые, цвета мокрого пепла,

они смотрели не на меня, а куда-то сквозь. И в них плескалась такая же бездонная тоска, как в моем собственном отражении в ведре с водой.

Любава оказалась права насчет «якоря». Видеть рядом существо, которое страдает так же, было невыносимо. Это напоминало мне о том, что я предаю свою боль, позволяя кому-то еще занять место в моей орбите.

— Как узнала? — хрипло спросил я, откладывая инструмент.

— По рукам вижу, — она кивнула на мои ладони. Золотые прожилки под кожей пульсировали медленно, болезненно. — У горя тяжелый вес. Оно тянет вниз. Если долго держать такую тяжесть внутри, станешь камнем. Совсем. Без возврата.

Её слова ударили точно в цель. Я ведь искал способ стать камнем буквально, надеясь, что плотность гранита поможет пробить пространство. А она говорила о душе.

— Зачем пришла? — мой тон был намеренно холодным. — Старуха послала печь топить?

— Любава велела принести вам чистое. И воды согреть для умывания. Вы... вы похожи на человека, который забыл, как выглядит собственное лицо.

Она прошла мимо меня к печи. Движения были плавными, экономными, но в каждом жесте сквозила боязнь побеспокоить. Страх быть изгнанной. Девочка привыкла, что её присутствие — это обуза.

Я смотрел на её сгорбленную спину, на то, как осторожно она ставит глиняный корчаг на угли, и внутри поднималась глухая злоба. На неё. На себя. На этот мир.

«Не смей», — приказал я себе. Привязаться здесь — значит похоронить надежду. Каждый новый друг, каждая привычка, каждый запах свежего хлеба — это ржавчина, съедающая трос, ведущий домой.

Но когда она обернулась, протягивая мне деревянную кружку с теплой водой, я увидел синяк на её предплечье — темный, старый, уже желтеющий по краям, но явно оставленный мужской рукой.

Мои пальцы сами собой сомкнулись на её запястье.

— Кто? — только и спросил я.

Дарья вздрогнула всем телом, кружка едва не выпала.

— Никто, господин, — прошептала она, глядя в пол. — Споткнулась. Давно.

— Здесь никто не спотыкается так метко, — процедил я. Злость сменилась чем-то тяжелым. — Если узнаю, что кто-то в этом доме поднял на тебя руку, я превращу его печень в свинцовую дробь. Поняла? Мне всё равно, чьи это законы.

Она подняла взгляд. В серых глазах мелькнул испуг, но тут же погас.

— Да, господин, — выдохнула она.

Это слово — «господин» — обожгло горло хуже кипятка. Я разжал пальцы.

— Пей воду, — буркнул я, отворачиваясь к горну. — И перестань звать меня господином. Михалыч. Просто Михалыч.

— Почему? — тихо спросила она. — Это не твое имя. Я слышу другое, когда вы спите. Вы кричите имя женщины.

Воздух в кузне стал густым, как кисель.

— Следи за паром, — огрызнулся я, с силой дернув рычаг мехов. Огонь в горне взвыл.

Дарья ничего не ответила. Она отошла в угол, села на низкую скамеечку и начала перебирать пучки сушеных трав. Но теперь она двигалась так, будто этот угол принадлежит ей.

А я остался стоять у наковальни. Один. Только теперь одиночество было другим — острым, полным сомнений. Принять её значило признать, что путь назад может оказаться длиннее, чем моя жизнь. Что моя дочка вырастет, пока я ищу разрыв ткани миров.

Я посмотрел на свои руки, покрытые черной сажой и золотой кровью.

— Сволочь я, а не камнерожденный, — тихо сказал я в пустоту.

Горн ответил треском рассыпающегося угля.

****Глава 24. Вес Мокоши****

День тянулся медленно, как смола на морозе.

Я работал у главного горна один — Ждан ушел принимать обоз с болотной рудой, Любава заперлась в своей каморе. В кузне остались только мы: я, Дарья и гул пламени.

Напряжение давило на плечи. Амулет Велеса под рубахой остыл до состояния абсолютного нуля. Каждый раз, когда моя рука тянулась к клещам, ледяная игла вонзалась в солнечное сплетение. *«Не сейчас»*, — шептал бог. — *«Ты слишком слаб для портала. Стань тверже»*. Дочка сегодня наверняка принесла из школы первую пятерку или рыдала над разбитой коленкой. А здесь даже кровь сворачивается иначе.

Дарья двигалась по кузне бесшумно. Она подмела пол, протерла инструменты, расставила горшочки Любавы. Это была терапия механическим трудом.

— Почему осталась? — спросил я, не оборачиваясь. — Могла уйти в Заречье.

Она замерла с тряпкой в руке.

— У меня больше нет дома, Михалыч, — сказала она просто. — В нашей веси мор прошел. Потом половцы. Меня купил за две связки вяленой рыбы купец, что шел в Сурож. Он... он показал мне, что железо может делать с живой плотью. Я сбежала на второй день. Если посадник узнает, кто я...

— Узнает — скажу, что это моя рабыня, — отрезал я грубее, чем хотел.

— Никто не посмеет тронуть мое имущество. Считай это броней. Хочешь жить — носи.

Это был компромисс. Грязный, пахнувший предательством той жизни, которую я оставил. Там я бы вызвал полицию. Здесь я покупаю её безопасность своим статусом монстра. Пусть так. Главное — девчонка выживет.

К вечеру работа была закончена. Мы вышли на улицу. На площади перед идиолом Велеса уже собирались женщины Твердеца — начинались ритуальные хороводы Макоши. Звенели гусли.

Дарья невольно замедлила шаг, глядя на смеющихся девушек. Она стояла на границе света от факелов и ночной тьмы — чужая среди своих.

— Не ходи туда, — тихо сказал я, останавливаясь рядом. — Нечего тебе там делать.

Она вздрогнула, словно я ударил её, и опустила голову еще ниже.

Я тяжело вздохнул. Достал из-за пазухи свой амулет. Золотые нити под моей кожей вспыхнули болезненным светом.

— Держи, — я вложил прохладный резной диск в её ладонь. — Повесишь на шею. Местные думают, что это знак Велеса. Они трижды обойдут тебя стороной.

Она подняла на меня мокрое, растерянное лицо.

— Бабушка учила... немного, — прошептала она.

— Вот и славно. Будешь моим оберегом. А теперь пошли. Любава кулебяку ставила, остынет — прибьет нас обоих.

Я взял её за локоть. Кожа была горячей, почти лихорадочной. Мы шли мимо пирующих, и люди расступались. Для них мы были порченными. Чудовищем-кузнецом и ведьмой-травницей.

Но впервые за долгие месяцы одиночества спина Дарьи под моей рукой расслабилась.

Внутри, в горнице Любавы, пахло печеным тестом, луком и покоем. Старуха возилась у печи, вытаскивая огромный дымящийся пирог.

— Нагулялись? — буркнула она, щурясь. Взгляд её упал на амулет на шее Дарьи. Брови поползли вверх, но комментировать она не стала. — Садитесь. Руки мойте.

Дарья села на самый краешек скамьи, сложив руки на коленях, как примерная школьница. Я занял место во главе стола.

Я посмотрел на девушку напротив. Она ела мелко, быстро, но впервые за весь день её взгляд перестал быть стеклянным. Она была здесь. Сейчас.

— Имя отца помнишь? — внезапно спросил я.

Она поперхнулась, вскинула испуганные глаза.

— Илья... Его звали Илья. А мать — Мирослава.

— Запомнил, — кивнул я, возвращаясь к еде.

Где-то глубоко под фундаментом кузни, в жилах железной руды, копилось давление. Моя сила росла вместе с тяжестью на душе.

Чтобы пробить дорогу домой, мне понадобится энергия целой горы. Значит, придется остаться здесь до зимы.

Я сжал ложку так, что дерево рукояти затрещало. Ради того, чтобы этот ребенок напротив смог спокойно спать, я продержусь. А ради дочки — найду способ превратить эту гору в пыль.

****Глава 25. Пепел ярь****

Ночь опустилась на Твердец быстро. Мы сидели в горнице Любавы. Тишину нарушало только мерное дыхание спящей Дарьи — она свернулась калачиком на широкой лавке у печи. Амулет Велеса на её шее тускло поблескивал.

Я сидел за столом, механически двигая челюстью. Ждан шумно хлебал мед.

— Хватит дырку в миске взглядом жечь, — пробасил кузнец. — Девка при деле, старуха довольна, руда принята. Чего маешься?

Я поднял на него глаза. Моя сила текла сквозь Дарью, когда я держал её за руку. Я лечу их, калечу себя, но путь домой становится всё туманнее.

— Расскажи мне про войну, Ждан, — попросил я. — Про настоящую. Как вы город бережете.

Ждан нахмурился, отставив кружку.

— У всякого дела свой устав есть. И у смерти тоже. Воевода наш, Борислав Громыхайло, порядок любит.

Он начал загибать узловатые пальцы:

— Наверху ****Князь****. Он думает, куда идти. А руки — это ****Старшая Дружина****. Гридни. Их сотня всего. Стоят в центре строя, стеной щитов. Дальше идет ****Младшая дружина****. Отроки. Лезут вперед, гибнут пачками, зато строй держат.

А вот дальше... — голос Ждана упал до шепота. — Дальше идут те, кого простые люди боятся больше чужих полков. ****Волкодлаки****.

Я невольно подался вперед.

— Это человек, который убил своего зверя-двойника голыми руками. Медведя заломал или волка перерезал. Чтобы страх убить внутри. Они рубятся двуручными топорами без щитов. Боль для них — это фитиль. Называют это «Ярь». Впав в боевой транс, режут так, что кони перед ними встают на дыбы.

— Психическая атака, — тихо сказал я.

— Сам ты слово басурманское сказал, — хмыкнул Ждан. — Есть еще ****Берсерки****, эти вообще тень. Разведка. Вырежут дозор весь, а стены города еще спать будут.

В сенях вдруг скрипнула половица.

Мы с Жданом переглянулись. Кузнец медленно потянулся к рукояти молота.

Дверь в горницу открылась без стука. На пороге стоял старик.

От него пахло гарью, кислым вином и сухой землей. Седые волосы были коротко стрижены, левый глаз скрывала черная кожаная повязка, но правый смотрел пронзительно. Одет он был в простую посконную рубаху, поверх которой была накинута легкая кольчуга.

Любава, вышедшая на шум, всплеснула руками:

— Борислав! Старый ворон!

Старик проигнорировал её, вперив свой единственный зрячий глаз прямо в меня.

— Так вот ты какой, Камнерожденный, — голос у него оказался неожиданно молодым. — Наслышан. Железняков рвешь, болота мостами кроешь. Красиво. Бессмысленно, но красиво.

— Садись, воевода, — буркнул Ждан, освобождая место.

— Потом, — отрезал старик. Он подошел ко мне. От него исходило такое давление, что амулет Велеса на моей груди стал невыносимо ледяным.

— Ярость твоя неправильная, мастер, — сказал он. — Она у тебя снаружи коркой намерзла, а внутри пусто. Ты хочешь гору сломать головой.

— Мне нужно домой, — процедил я.

— Всем нужно, — кивнул одноглазый. — Только дороги туда разными лопатами роют. Я смотрю на тебя и вижу Волкодлака. Силу твою чувствую. Но ты её стыдишься. А знаешь, что бывает с тем, кто держит пар в котле без клапана?

— Рванет, — машинально ответил я.

— Правильно, — впервые улыбнулся старик. — Но если этот котел сам станет клапаном...

Он вдруг шагнул назад, выходя на свободное пространство.

— Ждан, дай ему деревяшку покрепче.

Кузнец сунул мне тяжелую дубовую плашку.

— Закрой глаза, — приказал воевода. — Представь свою жену. Вспомни запах её волос. А теперь вспомни того, кто встал между тобой и ею.

Горло перехватило.

— Хорошо, — прошипел Борислав. Лицо его начало меняться.

Морщины разгладились. — Теперь выпусти это. Дай мне свою Ярь!

И он ударил.

Кулак вылетел вперед. Воздух сжался с хлопком. Дубовая плашка в моих руках взорвалась облаком щепы. Ударная волна швырнула меня спиной на стену.

Дарья вскрикнула, просыпаясь.

Я сполз на пол, жадно хватая ртом воздух.

Борислав стоял на том же месте. Никакой магии, никаких золотых нитей. Просто плоть, мышцы и абсолютная уверенность.

— Видишь? — прохрипел он, тяжело дыша. — Я старше тебя втрое. Мое левое легкое сожжено греческим огнем. Но моя ярь спит, пока я не скажу. А твоя — бродит по телу, как слепой медведь, круша собственную берлогу.

Он подошел ко мне, протягивая ладонь.

— Ты будешь моим учеником, Михалыч. Не кузнечным. Воинским.

Научу тебя не камень растить, а Волкодлаком ходить. Тихо. Смертельно. Нам в Твердеце скоро понадобится клинок, который умеет ждать в темноте. Князь собирает рать. Степь опять зашевелилась.

Я посмотрел на его руку. Затем на обломки дерева у своих ног. Мой план строился на грубой силе. План этого старого волка строился на геометрии убийства.

— Кто поведет рать? — спросил я, принимая помощь.

— Я, — просто ответил Борислав. — А ты пойдешь впереди всех. Будешь пугать лошадей. Учись реветь, Камнерожденный. Настоящий бой начинается не со звона стали, а с звука, от которого кровь стынет в жилах.

****Глава 26. Наука ненависти****

Утро началось с вони прелой коры и желчи.

Борислав привел меня в глубокий овраг за баней Любавы.

— Рубаху сними, — бросил воевода. — Дерись сегодня кожей.

Первый урок начался с унижения.

Я привык полагаться на массу. Борислав доказал обратное. Он атаковал без предупреждения — серия ударов открытой ладонью пришлась по точкам сброса давления. Каждый удар заставлял мои золотые прожилки вспыхивать болью. Земля под ногами пошла трещинами, но меня самого шатало, как пьяного.

— Ты выпускаешь силу наружу, чтобы защититься! — рычал одноглазый. — Это рефлекс дикого зверя!

Он заставлял меня часами стоять на одной ноге на мокром бревне.

— Что ты чувствуешь? — спрашивал он.

— Боль! Усталость! — рычал я.

— Неправильно! — он бил палкой по опорной ноге. — Ты должен чувствовать *воздух*.

Когда больно — значит, ты еще жив, а твой враг уже мертв.

К обеду мое тело превратилось в один сплошной синяк.

— Достаточно, — вдруг сказал Борислав. — А теперь выпей.

Он протянул мне кожаную флягу. Внутри плескалась густая, маслянистая жидкость.

— Что это? — подозрительно спросил я.

— Настой корня мандрагоры, спорыньи и крови тура. Пей. Это откроет ворота.

Я зажмурился и влил в себя горькую мерзость. Мир качнулся. Звук изменился. Запахи обострились. А потом пришла Теплота. Она поднялась от пяток, сжигая усталость.

— Это Ярь, — удовлетворенно кивнул Борислав. — Теперь дерись.

Он метнул в меня тренировочный нож. Время замедлилось. Я шагнул навстречу, принял кинетическую энергию в плечо, заземлил через ступню. А затем ударил кулаком в воздух перед лицом воеводы.

Ударная волна вылетела из моей ладони. Борислава отбросило на сажень назад.

— Годишься, — прохрипел он, сплевывая кровавую слюну. — Завтра начнем учить тебя ходить бесшумно. А сейчас пошли жрать. Да рубашку чистую найди.

****Глава 27. Сон-трава****

Ночь легла на Твердец тяжело. Я метался на жесткой лавке. Золотые жилы силы пульсировали неровно, лихорадочно.

Снаружи бился о ставни ветер. Но сквозь его свист пробивался иной звук — тонкий, стеклянный перезвон. То ли Навьи духи пляшут на перекрестке, то ли костяные гусли.

Не выдержав духоты, я поднялся и вышел на крыльцо. Ночное небо висело низко, усыпанное колючими звездами. Овраг за плетнем казался бездонной черной раной. Пахло сыростью, прелыми листьями и озоном. И оттуда, из самой утробы оврага, на меня смотрели.

Два желтых огня вспыхнули во тьме. С узким вертикальным зрачком, как у рыси.

Я замер.

— Не бойся, смертный, — раздался голос Любавы. Она вышла на порог босыми ногами. — Это я его призвала. Сторож твой.

— Сторож?

— Тот, кто будет беречь твою душу, пока плоть учится боли. Борислав выкует из тебя щит и меч. А этот... — она шагнула вперед, и лунный свет упал на её лицо. — Этот станет твоим наставником по духу. Он — часть Велесовых лесов. Зверь, которого ты должен убить сегодня во сне, завтра станет либо твоей второй шкурой, либо твоей могилой.

Желтые глаза моргнули и растворились в темноте.

Любава подошла вплотную. Коснулась моего плеча кончиками пальцев. Кожа у неё оказалась ледяной.

— Ступай спать, Волкодлак недоделанный, — усмехнулась она. — Утро вечера мудренее.

Я вернулся в горницу. Дарья дышала ровно. Ждан выводил носом рулады. Но долго еще я лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину.

И в какой-то момент мне показалось, что половица у изголовья чуть просела. Под полом кто-то был. Он ворочался там, скреб когтями плотно убитую глину. Рое ход. Прямо под мою лавку. Ждет.

А потом явь истончилась, и меня затянуло в омут.

Сон пришел вязкий, смолистый. Я стоял на том самом мосту из моих кошмаров. А навстречу мне шел я сам. Двойник выглядел точной моей копией, но кожа его была серой, а из груди тянулись сотни сияющих золотых нитей.

— Ты выбрал путь, брат мой зеркальный, — сказал двойник. — Выпустил пар. Хорошо. Но теперь научись ненавидеть. По-настоящему.

Он протянул руку...

Я сел на лавке рывком. Сердце колотилось где-то в горле. За окном уже занимался бледный, болезненный рассвет. Начинался новый день пыток.

****Глава 28. Первый рык****

Рассвет сочился сквозь слюду окна серой взвесью. Я сполз с лавки на холодный пол. Во рту спеклась медная горечь, затылок раскалывался.

Дарья заворочалась во сне. Ждан продолжал храпеть.

Когда первые лучи настоящего солнца окрасили слюду в кроваво-розовый, дверь распахнулась. На пороге стоял Борислав. От него пахло мокрой псиной и болотной гнилью.

— Вставай, камнерожденный. Сегодня твой дух будет учиться обгонять твою мысль.

Мы вышли за ворота Твердеца, когда пастухи только выгоняли сонных коров. Шли долго, пока стены города не скрылись в молочной мгле. Остановились лишь на старой гари, посреди круга из почерневших идолов.

— Снимай рубаху, — приказал воевода.

Он подошел вплотную. Его ладонь легла мне на лоб.

— Вспомни мост. Вспомни того, кто тянет золотые нити из твоей семьи. Почувствуй, как внутри закипает кровь. Дай ей подняться к горлу.

Я выдохнул. Злость пришла быстро. Амулет Велеса начал стремительно нагреваться.

— Хорошо, — рокотал над ухом воевода. — А теперь выпусти. Не кулаком. Выдыхай. Из самого нутра.

Я открыл рот. Раздался жалкий, сиплый звук.

— Нет, — рявкнул Борислав. — Ты пытаешься *кричать*. А должен *рвать*. Рык идет не из горла. Он рождается в пятках.

Он занес ногу для удара. Тяжелый поршень врезался мне в солнечное сплетение. Я сложился пополам, рухнул на колени. — Дыши! — рявкнул воевода. — Собери остатки ярости!

Боль была чудовищной. И вот тогда, на самом дне этого удушья, оно родилось само.

Оно поднялось снизу вверх горячей волной. Звук вырвался наружу.

Это был не человеческий крик. Это был рев пещерного медведя. Низкий, утробный, вибрирующий. Воздух перед моими губами пошел маревом, а сухие ветки ближайшего дерева вспыхнули синеватым пламенем.

Воевода удовлетворенно хмыкнул.

— Вот, — пророкотал он. — Чувствуешь? Рот щиплет, будто железа нажрался. Теперь ты почти готов.

— К чему... готов? — просипел я.

Борислав оскалился, глядя куда-то поверх моей головы:

— Степь снялась, мастер. Половецкие ханы перешли Калку. Князь уже бьет в осадное било. Мы выдвигаемся к вечеру. Впереди рати пойдет Волчий бог. Пойдешь ты. Будешь ломать их строй своим дыханием.

Из тумана вышла та самая рысь. Шкура зверя казалась сотканной из дыма. Она подошла ко мне, потерлась головой о мое бедро и басовито мурлыкнула. Мой первый Сторож признал вожака.

****Глава 29. Сажа и Навь****

Борислав уже ждал меня у края гари. Его лицо покрывала густая угольная чернь, смешанная с медвежьим жиром.

— На вот, хлебни, — воевода протянул мне берестяную баклажку. — Сурья на девяти травах. Выпьешь залпом — станешь легким, как дым.

Я влил обжигающую жидкость в глотку. Мир качнулся. Боль растворилась, сменившись звенящей пустотой.

Мы двинулись через лес. Свет здесь казался зеленым и больным. Туман тек между стволами, принимая очертания. То тут, то там мелькали сгорбленные силуэты без лиц — мавки, заложные покойники. Они тянули к нам бледные руки-ветви. Рысь шла рядом, и призраки с шипением втягивались обратно в кору.

К полудню мы вышли на Опушку Костяного Поля. Впереди расстиралась выжженная степь. Над центром вражеского войска висело темное пятно, пульсирующее и отбрасывающее рваные тени.

— Видишь? — Борислав указал пальцем. — Это Кутугыр. Шаман Золотой Орды. Если он закончит песнопение, наши ратники сами перережут друг другу глотки.

Воевода сорвал с пояса мешочек с серым порошком.

— Полынь, зола от купальского костра и могильная пыль. Им нужен голос, который перекроет саму песню сотворения мира.

Он посмотрел на меня.

— Иди к тому холму. Встань против ветра. Когда услышишь, как лопается кожа на их барабанах — открой рот. Бей звуком.

Рысь коротко рыкнула и растворилась в полыни. Я остался один.

Я поднялся на холм. Ветер дул в лицо. Где-то далеко ударили в осадное било Твердеца. Черный шаман внизу ответил ударом в бубен, обтянутый человеческой кожей. *Бум-м... Бум-м...* Мир сузился до этого ритма.

Я расставил ноги шире плеч. Выдохнул весь воздух. И когда тишина повисла над полем перед новым ударом бубна, я вдохнул самой диафрагмой.

Рык родился в пятках, прошел сквозь кости и вырвался наружу вместе с черной слюной. Ударная волна оказалась плотной. Она смела сухую траву на десятки саженей, ударила в шаманский бубен.

Кожа лопнула с хлопком. Сивое облако дыма вырвалось наружу.

Шаман покачнулся, бубен выпал из рук, и он схватился за голову, издав сдавленный вой. На его лице выступила кровь из ушей и носа, но он остался на ногах. Оглядев поле мутным взглядом, он развернулся и, спотыкаясь, побежал прочь, к своим.

На поле боя упала абсолютная тишина. А затем из-за моей спины раздался единый тысячеглоточный рёв — русская рать сорвалась с места.

Второго удара не последовало. Небо потемнело — это взмыла стая воронья. Я рухнул в полынь плашмя. Воздух над холмом прошило невидимое шило — тяжелая сулица впилась в дерн там, где секунду назад была моя голова.

— Живой! — хрипло каркнул Борислав снизу.

В ответ со стороны вражеского становища раздался нечеловеческий визг. Кутугыр поднялся. Он сорвал остатки лопнувшего бубна и вскинул руки к небу. Марево над их лагерем вспыхнуло гнойно-зеленым светом.

Земля дрогнула. Из трещин полезли навьи. Синевато-бледные, они шли молча, волоча обрывки цепей. Их пустые глазницы светились зеленым огнем.

Я перекатился через плечо. Пальцы сомкнулись на рукояти ножа из турьего рога. Амулет Велеса раскалится добела. Боль вымывала страх, а зверь внутри рвался наружу.

Первый мертвец достиг гребня холма. Он занес кривую саблю. Я шагнул навстречу, перехватил запястье. Кости трупа с влажным хрустом превратились в труху. Второй атаки я не ждал — ушел вниз, под лезвие. Клинок вошел в основание шеи навьего. Зеленое пламя в глазницах погасло. Тело осыпалось прахом.

Но их было слишком много. Мои чернолицые братья рубились внизу отчаянно, но кольцо врагов смыкалось.

Я набрал в легкие воздуха. На этот раз я воззвал к Праву — небесному закону справедливости. Мой голос стал громовым кличем самого Перуна.

Гнойно-зеленое сияние лопнуло с жалобным звоном. Иллюзии рассеялись. Стало видно, что никакого огромного войска нет — есть лишь жалкая тысяча всадников.

Чернолицые поднялись из полыни там, где враги ждали их меньше всего. Засадный полк ударил сомкнутым строем тяжелых копеечников. Конница Орды налетела на стену копий. Послышался мясистый хруст.

Я скатился с холма кубарем, приземляясь в спину очередному навью. Мой нож дважды сверкнул в воздухе. Голова мертвеца покатила под ноги живому половцу.

Битва превратилась в кровавую круговорот. Мы теснили их обратно к выжженной степи.

****Глава 30. Память стали****

Сабля в моей руке ожила. Это не я вел ее — это она вела меня. Мое тело обрело пугающую, хищную грацию. Я никогда не держал акинак. Но сейчас внутри меня проснулся кто-то другой. Чьи-то ладони помнили намотанную на них кожаную петлю щита.

Это была Родовая память.

У славян Род — это не просто семья. Это единый живой организм, пронизывающий время. Каждый предок — ветвь этого древа. Когда человек оказывается на грани смерти, эта связь пробуждается. За твоей спиной встают все те, кто носил твой знак. Их опыт становится твоим дыханием. Их ярь — твоей кровью.

Мои ноги сами переступали по-волчьи. Тяжелый степняк занес саблю для рубящего удара. Моя рука ушла вниз и вбок. Я позволил весу его оружия потянуть хозяина вперед. Шаг навстречу. Левая рука ложится на затылок врага, фиксируя голову. Правое колено с хрустом впечатывается в бедро. Мой акинак взлетает снизу вверх.

Враг даже не успел закричать.

— Плотнее строй! Сомкнуть щиты! — ревел Борислав.

К нам прорвались трое. Первый бросился на воеводу. Второй прыгнул на меня. Его акинак свистнул над ухом. Я нырнул под руку, левой перехватил запястье, выворачивая сустав, правой ткнул скинером под нижнюю челюсть.

Третий развернулся бежать, но наткнулся грудью на копья чернолицых.

Битва качнулась в нашу пользу. Потеряв шамана, орда дрогнула. Страх перерос в панику.

— Бей их! Гони! — прохрипел Борислав.

Мы перешли в наступление. Я вырвался вперед. Передо мной оказался одиночный всадник в золоченом шишаке. Он поднял лук. Тетива щелкнула.

Время замедлилось. Я видел полет белого оперения. Моя рука с акинаком взметнулась сама. Я поймал древко стрелы на плоскость клинка прямо перед своим лицом. Резкий поворот кисти — стрела ушла в небо.

Всадник опешил. Я прыгнул, уперся в лук седла, и мы свалились в полынь. Он оказался сильным. Занес чекан. Моя свободная рука нащупала его нож в сапоге. Лезвие вошло точно в стык пластин зеркала, под левую ключицу.

Глаза хана расширились. Тело обмякло.

Борислав подошел ко мне, тяжело ступая.

— Хорошо плясал, камнерожденный, — выдохнул он. — Зверь сыт. Теперь умойся.

****Глава 31. Осознание****

Слова Борислава должны были стать утешением. Но они лишь ударили по нервам ржавым гвоздем.

Я разжал пальцы. Трофейный акинак упал в черную грязь. Инженер во мне пытался анализировать: угол падения, сопротивление среды. Но расчет не помогал. Чертежи расплывались

перед глазами, превращаясь в схему расположения жил на шее половецкого мальчишки, которому я полчаса назад вспорол глотку. Я помнил тепло его крови. Помнил удивление в его расширившихся зрачках.

— Верни меня, — прохрипел я, оседая на колени. Меня вырвало желчью. — Вытащи это из меня. Выпусти зверя обратно в лес!

Борислав опустился рядом. Его узловатая ладонь легла мне на затылок.

— Тише. Никто не может выпустить то, что всегда там жило. Ты думаешь, твой камень — это премудрость? Это всего лишь другой способ прятать голову в песок. Зверь сидел в твоём прадеде. Он спал в отце. Разница лишь в том, что раньше люди честно называли убийство убийством. А ты привык считать зарубки на бирках, пока кто-то другой делает за тебя мокрую работу. Сегодня Род просто показал тебе гладь воды без ряски.

Я поднял голову. Рысь подошла и ткнулась холодным носом в мою ладонь. Она убивала ради меня. Если животное способна принять свою природу без стыда, почему человек должен сходить с ума?

— Вставай, — Борислав рывком поставил меня на ноги. — Иди омойся. Вода смоет кровь врага, но нашу собственную нам придется носить на коже до самой смерти.

Мы двинулись вниз к реке. Земля пружинила под ногами. Я посмотрел вниз. Мы шли по ковру из тел. Свои и чужие сцепились намертво.

У самого берега творилось нечто невообразимое. Мертвые вставали. Из черной воды торчали бледные руки тех, кого затоптали при переправе. Навьи, которых Кутугыр призвал, освободились от нитей воли, но ярость осталась. Один утопленник схватил за повод раненого половца. Он утягивал живого человека в ледяную купель Калки.

— Мать сыра-земля гневается, — сплюнул Борислав.

Я сбросил тяжелую, задубевшую от пота рубаху. Холодный ветер коснулся спины. Натягивая чистую ткань, я почувствовал, как зудят плечи. Мышцы начали отходить от боевого зажима.

Рысь вдруг ощерилась, глядя в сторону зарослей камыша. Из-за излучины медленно выплывало бревно. Огромное, почерневшее. Оно двигалось против течения. А затем бревно открыло желтый, мутный глаз.

Это был сом. Хозяин омутов Калки. Он учуял пир.

Сом лениво вильнул хвостом, подплывая ближе. Он не собирался нападать на нас — мы были слишком костлявы. Чудище пришло за легкой добычей. Огромная пасть сомкнулась на теле половецкого лучника. Раздался звук разрываемой холстины, и вода пошла красными пузырями.

Меня снова замутило, но желудок ответил лишь болезненным спазмом. Машинист умер. Волкодлак проснулся. Но сейчас между ними рождалось нечто третье.

В этой памяти жила суровая доблесть, лишенная бахвальства. Предки учили беречь дыхание, лечить рану паутиной и медом, выбирать для удара точку, где клинок встретит не сталь, а мягкое место у ключицы. Доблесть заключалась в умении стоять насмерть там, где хочется жить.

Здесь, на берегу мертвой Калки, я впервые ощутил истинный патриотизм — не тот звонкий, которым гордятся на площадях, а глухой, идущий из самых пяток. Любовь к этой черной, жирной грязи, чавкающей под ногами. Я любил эту землю не за ее богатства. Я любил ее право быть. Право говорить на нашем языке, чтить наших богов и растить хлеб по нашим законам.

Борислав подошел бесшумно. Он тяжело опустился на корточки рядом.

— Легчает? — спросил он.

Я медленно провел ладонью по лицу. Дрожь ушла. Инженер принял правила игры плоти, а Волкодлак признал право инженера на сомнение.

— Нет, — честно ответил я. — Но теперь я знаю, зачем это делаю.

Воевода усмехнулся. Он вытащил из-за пояса бурдюк с квасом.

— Хорошо, камнерожденный. Когда воин знает «зачем», ему плевать на «как». Пей. Смой навье дыхание.

Я принял бурдюк. Жидкость обожгла пересохшее горло кислым холодом. Это был вкус ржаного хлеба, домашнего очага и самой жизни. Жизни, которую мы вырвали у смерти зубами.

Я поднял голову, глядя на противоположный берег. Там, в клубах жирного дыма, сидело багровое солнце.

— Строиться! — взревел голос Борислава, перекрывая плеск воды. — Отходим к стану!

Рог Твердеца протрубил сигнал сбора. Мы пошли на звук, оставляя реку позади. Черная вода Калки продолжала принимать свою жатву.

****Глава 32. Стан Твердеца****

Мы вышли к стану, когда первая ночная птица уже подала голос. Лагерь встретил нас не ликованием, а тяжелым молчанием. Здесь пахло мокрым войлоком, конским потом и жженой паклей.

У шатра воеводы горел единственный костер. Вокруг него сидели те, кому хватило сил дойти без носилок. Лица воинов в пляшущем свете казались вырубленными из дуба.

Борислав тяжело привалился к бревенчатому тыну.

— Где старик кузнец? — прохрипел он.

— У кузни, княже, — ответил молодой отрок. — Велел огонь держать. Рысь Любава лечит.

Я вздрогнул. За суматохой я почти забыл о звере. Рысь шла за мной, волоча заднюю ногу. Сейчас она лежала у моих сапог, положив голову на лапы, и смотрела желтыми, полными боли глазами.

— Иди, камнерожденный, — Борислав толкнул меня в плечо.

Кузня стояла на самом краю высокого берега. Рядом, в пристройке, горел отдельный огонек. Там сидели Любава и Дарья.

Рысь тихо зарычала, стоило мне сделать шаг.

— Тише, сестра, — прошептал я, опускаясь перед ней на колени. — Это Любава. Ей можно верить.

Любава окинула меня взглядом, задержалась на золотых прожилках.

— Рана глубокая, крови вышло много, — буркнула она. — Дарья, неси рушник и заговоренную воду.

Дарья подошла неслышно. Её движения стали увереннее. Она указала на распухший разрез на бедре рыси.

— Вот тут, бабушка. Кость, кажется, цела, но мясо разошлось глубоко.

Любава склонилась, ощупала рану. Рысь дернулась, но Дарья заговорила тихо, нараспев, успокаивая зверя древним голосом.

— Кость цела, — кивнула знахарка. — Дарья, давай отвар коры ивы с живицей.

Когда повязка была наложена, Любава отступила на шаг.

— Три дня покоя. Если сорвешь повязку — считай, убил сам. Следи, чтобы оставалась сухой. И давай ей эту настойку — по три капли утром и вечером.

Дарья протянула мне маленький глиняный пузырек.

Рысь подняла голову, облизала мои пальцы и уткнулась носом в колени Дарье.

— Она тебя запомнит, — сказал я. — Спасибо вам обоим.

Любава махнула рукой:

— Иди уже. Нам еще других раненых смотреть.

Я вышел из пристройки.

Внезапно тишину лагеря разорвал новый звук. Глухой, ритмичный. *Бух. Бух.* За дальним рядом телег пылали погребальные костры. Дружинники стаскивали туда своих убитых. Их складывали лицом к закату, укрывая щитами.

Полог воеводского шатра откинулся. На улицу вышел Борислав. За его спиной маячили силуэты сотников.

— Садись, братие, — негромко произнес воевода, указывая на пустые бочки вокруг костра. — Хлеб делить будем. Горький хлеб этой весны.

Сотники опустились на землю. Кто-то бросил в центр круга кусок вяленой конины, кто-то выложил последнюю флягу с медом.

Борислав оперся руками о древко рогатины.

— Черные ушли за реку, — начал он ровно. — Мы разбили их головной отряд. Для обычного набега это конец войны.

Он замолчал, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Но это не набег, — голос воеводы упал до змеиного шипения. — Гонцы принесли черные вести. За ними идет тело. Двадцать тумэнов. Двести тысяч копий. И ведут их Субодей и Джебей.

Кто-то из молодых гридней захрипел.

— Наши стены... — хрипло выдохнул десятник Железняк. — Камень Твердеца удержит такую волну?

Борислав качнул головой.

— Нет. Камень разобьют пороками. Дерево сожгут смолой.

— Значит, бежим?! — вскочил Железняк.

— Тот, кто хочет умереть красиво, получит свою славу, — отрезал Борислав. — Но слава не остановит орду. Нам нужна хитрость.

Все взгляды обратились на меня. Сплыв внутри меня — холодный расчет инженера и ярость воина — пришел в движение.

— Стены начинаются здесь, — тихо сказал я, становясь в круг света. — Но строить их из камня поздно. Завтра пошлем соколов к князьям. А сами начнем готовить Калке другой подарок.

Я подошел к костру, поднял обгоревшую ветку и начал чертить на утоптанной земле.

— В двух верстах ниже по течению есть излучина. Если мы перегордим реку выше запрудой, вода схлынет, обнажив дно. Они увидят легкую переправу.

Сотники зароптали.

— А когда их передовые отряды втянутся в русло, мы разберем запруду, — закончил я. — Вал воды смоев их строй.

Наступила тишина.

— Это сработает? — спросил Борислав.

Я поднял на него глаза. В них больше не было сомнений. Только сталь.

— Дайте мне плотников и три дня — и я превращу Калку в ловушку.

Старый Ждан крякнул, поднимаясь.

— Стало быть, работать будем всю ночь. Эй, Микула! Буди парней! У нас тут инженер завелся, хочет реку обуздать.

Лагерь загудел муравейником.

Борислав подошел вплотную, положил тяжелую ладонь на плечо.

— Ты веришь в этот план, камнерожденный?

Я выдержал его взгляд.

— Я хочу, чтобы завтра у наших воинов было преимущество. Я привык считать секунды и тонны. Здесь те же оси и рычаги, только вместо стали — глина да человеческая плоть. Я верю, что это сработает.

Рысь подошла сзади, ткнулась носом в ладонь.

— Не бойся, сестра, — прошептал я. — Я знаю, что делаю. Инженер еще пригодится этому миру. Но сначала придется смыть с рук кровь.

Глава 33. Тонкая грань

Вот полный исправленный текст главы 33. Все упоминания Путятты заменены на безымянного старого сотника (который позже не фигурирует в сюжете). Речи, важные для сюжета, сохранены, но теперь они вложены в уста старого воина.

Глава 33. Тонкая грань (исправленная)

Я не пошел спать. Вместо этого я остался у костра. Борислав сидел неподвижно, глядя в пламя. Рядом, прихрамывая, подошёл один из старых сотников — тот самый, что учил меня первым ударам. Он сел на корточки, протянул руки к огню.

— Князь не спит, — сказал он глухо. — Велел готовить рать. Степняки зашевелились не на шутку.

Борислав кивнул, но ничего не ответил.

Наконец я не выдержал.

— Почему их так много? — спросил я тихо. — Нечисти. Навых духов.

И почему так мало Волкодлаков? Разве не они должны встречать такую тьму?

Борислав медленно повернул голову.

— Волкодлаки не рождаются от сытой жизни, камнерожденный. Чтобы услышать шепот Велеса, нужно заглянуть в глаза Маре и вернуться обратно. А этот мир стал слишком тяжелым для чудес. Грань тонка потому, что здесь льется кровь. Где землю густо полили кровью, явь истончается, как старый холст. Орда топчет эту землю уже который год. Чем страшнее людям, тем толще становится нежить. Мы сами кормим их своими криками.

Старый сотник хрипло закашлялся:

— К тому же князь нынче любит золото больше правды богов.

Волхвов сгоняют с капищ, ставят церкви поверх древних алтарей. Перунов дуб рубят ради амбаров. Где им учиться? Их объявляют ведунками, жгут на кострах свои же братья. Остались либо старики вроде Любавы, либо безумцы. Настоящих видящих почти не осталось.

Борислав кивнул:

— Христианская вера пришла на нашу землю огнем и мечом.

Вспомни Новгород: крестили мечом, а Добрыня — огнем. Вспомни Ростов. Истребили волхвов, вещих, баянов. Уничтожая служителей, новая вера убивает память народа.

Он помолчал.

— Они думают, что если свалить дуб Перуна в Днепр, то

Громовержец умрет. Наивные. Они пришли за всеми нами. За

Сварогом-кузнецом. За Дажьбогом-Трисветлым. За

Хорсом-Солнцебогом. За Стрибогом. За Симарглом. И уж тем более за Мокошью.

Но страшнее всего они ненавидят Велеса. Черного Змея, Скотьего бога, Владыку лесов и подземного мира. Того, кто держит Навь. Пока стоит хоть один истукан Велеса, грань будет кровоточить. Они боятся его до судорог. Потому что знают: их светлый распятый бог правит только раем, а наши леса, наша земля и наши кости после смерти принадлежат Велесу.

Они называют наших праотцов демонами, а капища заливают кровью, потому что сами панически боятся остаться наедине с настоящей тьмой. Убей последнего баяна, вырви язык последнему кобнику — и ты убьешь само время.

— Значит, мы воюем на два фронта? — спросил я.

— Именно, — кивнул Борислав. — Поэтому твой план с запрудой хорош. Вода смывает плоть. Но она не остановит призраков. Когда начнется настоящая сеча, ты увидишь вещи, от

которых у твоего железного нутра лопнет шестеренка. Если дрогнешь — они выпьют твою душу.

— Что делать? — спросил я.

Воевода вытащил из-за пояса короткий нож из кабаньего клыка, покрытый вязью рун.

— Плотницким ремеслом тут не обойдешься. Тут другие законы работают. Всё это спроси у волхвов, камнерожденный. Прямо сейчас иди.

— Я не могу уйти, — перебил я его. — Если я уйду за Змеиный камень, меня не будет три дня. Четвертого утра для нас не наступит. Орда ударит на рассвете. Кто встретит их на переправе? Здесь нужен тот, кто знает геометрию рычагов и плотность мокрого грунта. Мой чертеж готов. Завтра на рассвете мои люди начнут валить лес.

Борислав долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул.

— Хорошо сказано. Значит, будем искать силу здесь. Среди грязи и мертвецов.

Он вытянул нож из бревна и протянул мне рукоятью вперед.

— Бери. Это зуб первого тура, убитого на этой земле. На нем осталась печать Рода. Он удержит твою душу в теле, когда Морок начнет шептать тебе имена твоей матери.

Старый сотник поднялся, опираясь на копье. Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Дай боги тебе силы, камнерожденный, — сказал он тихо. — Мы будем ждать у переправы.

Я сжал нож в руке. Тепло от костра уходило в ночное небо, но внутри меня разгорался новый огонь. Огонь, которому не страшны ни морок, ни сталь, ни сама смерть.

****Глава 34. Шёпот Калки****

Я присел на корточки, зачерпнул воду ладонью. Она была ледяной, но пальцы онемели не от холода — словно я сунул руку в гидравлический пресс. В черной глади отражалось небо без звезд. Луны не было. Но вода не стала чернильной. Она светилась изнутри тусклым, трупным зеленым светом биолюминесценции разложения. И этот свет пульсировал. В такт моему сердцу. Мы резонировали.

Я вспомнил слова Борислава: «Калка плачет. Она устала пить мертвую воду». И вдруг понял — это не метафора. Мертвая вода — это отсутствие *живы*, той самой жизненной силы, которую предки называли душой камня, духом реки.

Но как сказать реке о моём плане? Звук здесь гложет. Жесты бесполезны — река слепа. Огонь чужд ей. Оставалось одно: то, что она поймёт без перевода. То, что течет и пульсирует так же, как она сама.

Кровь.

— Кровь — это письмена Рода, — прошептал я. — Если я хочу передать реке чертёж, я должен написать его на языке, который она услышит.

Инженерный расчёт — это чистая информация. Как передать её через голос? Но частота падения капель совпадает с частотой пульса. А ритм — это язык чисел, понятный любой материи.

Я вытащил нож — зуб тура. Древняя кость легла в ладонь идеально.

Не раздумывая, я полоснул лезвием по левому предплечью. Боль пришла вязкая и тупая. Темная кровь закапала в реку редкими, тяжёлыми каплями.

— Ты звал инженера, — прошептал я реке. — Вот он. Смотри. Покажи мне свои узлы напряжения.

Каждая капля растворялась, встраиваясь в структуру воды. Я чувствовал кожей: тепло моего тела перетекало в реку, соль создавала слабые токи, а *жива* вплеталась в потоки, оживляя застывшую геометрию русла.

Капля. Ещё одна. Третья...

И река отозвалась.

Сначала ничего не происходило. Затем вода у моих ног пошла мелкой рябью против ветра. *Бух.* Звук шел со дна. Инфразвук, который чувствуешь диафрагмой. Песок под сапогами дрогнул. *Бух.* Береговой откос зашуршал, осыпаясь струйками земли.

Калка вздохнула. По поверхности пробежала судорога, и река начала *меняться*. Уровень упал на пол-локтя за одно биение сердца. Ил поднялся жирными бурыми клубами, обнажая острые зубы базальтовых глыб. Геометрия смерти обретала фундамент.

Этого мало. Камень остановит коней, но утопит наших пешцев. Нужно управление потоком.

Я наклонился ниже, почти окунув лицо в светящуюся муть.

— Держите. Смещаем вектор тяги на три градуса к западу.

Вода передо мной медленно начала закручиваться в воронку. Сначала размером с блюдце, затем с колесо телеги. Она крутилась тяжело, всасывая всю светящуюся гниль со дна. Ил уходил вниз, оседая между камнями намертво. На поверхность всплывала чистая, тяжелая глубинная вода. Брод остался смертоносной ловушкой для тяжелой кавалерии, но превратился в твердый настил для тех, кто пойдет пешком.

Воздух резко похолодел. Запах меда сменился сладковатой вонью могильного склепа. Морок пришел. Он просто *выдавил* остатки реальности. Наступила абсолютная тишина вакуума.

Они шагнули из этой пустоты. Полупрозрачные силуэты всадников соткались прямо из воздуха. У них не было лиц, лишь темные провалы шлемов. Оружие было настоящим: кривые сабли из черного льда, наконечники копий, сочащиеся бледным фосфорическим гниением.

Это были духи половецких батыров, чьи курганы Орда разорила месяц назад.

Первый призрак заметил меня. Его голова повернулась на сломанной шее. Конь испустил беззвучное ржание. Всадник поднял ледяную саблю и ударил шпорами. Земля почернела там, где проскакали копыта.

Я рухнул на колени, уходя ниже линии удара, и вонзил зуб тура в мерцающую грудь коня. Лезвие вошло туго, как в мореный дуб. Раздался хруст ломающегося льда. Конь-призрак рассыпался ворохом черного снега. Всадника швырнуло обратно в темноту.

Но следом шли другие. Десятки. Сотни.

Меня повело в сторону. Кровь текла ручьем. Сил держать нож не осталось. Зуб тура выпал из руки и канул в бурлящую грязь. Я опустился на колени. Сейчас они пройдут сквозь меня и ударят в спины нашим дружинникам...

Вода вздыбилась живым горбом. Поверхность лопнула, и огромная усатая голова, размером с лодку-долблѣнку, медленно всплыла. Это был Хозяин омутов. Его чешуя отливала старой бронзой. Из пасти тянулись струйки пара.

Сом тяжело обрушился боком на мелководе, отрезая призрачным всадникам путь. Огромная лопасть хвоста ударила по воде. Это был взрыв. Вал воды высотой в два человеческих роста понесся навстречу теням. Вал накрыл первый ряд призраков. Раздался звук перемалываемых костей. Черные силуэты размазались по воде, превращаясь в речной песок и старую золу.

Я стоял по колено в воде, ощущая дрожь песка. Сом медленно повернул голову. Мутный глаз моргнул — это была плата. Река приняла мою кровь.

Сом погрузился обратно. Вода снова начала подниматься. На мокром песке лежал предмет. Обломок весла. Окованное потемневшим железом веретено из дуба.

Когда мои пальцы коснулись дерева, по нервам ударило током. Память рода проснулась окончательно. Я видел молекулы целлюлозы, переплетение волокон, угол сопротивления материала. Я знал, сколько ударов приняло это дерево, защищая борта ладьи пра-пращура.

Я сжал обломок весла. Дерево плотно охватило ладонь. Инженер получил свой чертеж.

Рысь подошла и положила тяжелую голову мне на колено. Я сидел на берегу освобожденной реки, сжимая кусок старого весла. Битва за переправу отменялась. Завтра мы будем ждать Орду посреди русла.

****Глава 35. Русло****

Утро пришло без рассвета.

Морок отступил, но солнце не вернулось — небо затянуло ровными, как выскобленная кость, облаками. Река успокоилась: вода стала тёмной, почти чёрной, течение текло ровно, маслянисто, как расплавленное стекло.

Я стоял по колено в воде, сжимая обломок весла. За спиной — полторы сотни ратников. Впереди — пустое русло, которое сегодня станет горлом смерти.

Рысь ушла в лес перед рассветом.

— Ты уверен, что они придут здесь? — Борислав подошёл бесшумно.

— Здесь единственный брод на двадцать вёрст, — ответил я. — Кони пройдут только тут.

— Ты изменил дно.

— Я попросил реку изменить дно.

Борислав хмыкнул, но перекрестился знаком Рода.

— Что ты там понастроил?

— Ловушку. Когда конница войдёт в русло, уровень упадет. Дно уйдёт из-под копыт — там жидкий ил. Задние ряды надавят на передних — начнётся давка. Когда Орда войдет в русло — моя запруда прорвёт. Вал ударит им в спину.

— А если они не войдут?

— Войдут. Потому что я буду стоять посередине брода. Один. Они увидят вызов и не стерпят.

Орду мы услышали за час до того, как увидели. Земля задрожала — ровная, нарастающая дрожь тысяч копыт. Донеслись гортанные боевые псалмы.

Они вышли из-за поворота реки. Не ряд — стена. Конница шла плотно, плечом к плечу, закованная в железо и кожу. Впереди на белом коне ехал сам Кутугыр. Его голова была обмотана тряпками, сквозь которые сочился гной — вчерашняя рана не зажила. Но он был жив. Он поднял руку, и орда остановилась.

Тишина повисла над рекой. Хан и Волкодлак смотрели друг на друга сквозь стылый воздух. Всё решилось бы в этом взгляде. Я ждал.

Кутугыр что-то прокричал гортанно, и из строя выехали трое. Огромные, ростом выше любого человека. Кожаные бубны в их руках пульсировали сами по себе. *Тук-тук.* Ритм первородного сердца земли, искаженный черной волшбой.

С каждым ударом воздух густел. Мои мышцы налились свинцом. Память рода покрылась ледяной коркой.

— Навьи колдуны, — прохрипел Борислав. — Не стрелять! Стрелы здесь — что комариный укус!

Шаманы открыли пасти и исторгли Зов.

И тогда во мне проснулся Род. Мой разум раскололся, выпуская наружу сотни тысяч предков. Я перестал быть одним человеком. Я стал ими всеми одновременно. Вот мой прапрадед с каменным топором. Вот рыжебородый витязь Святослава. Память показала истину: эти барабанщики медлительны, их сила питается страхом живых.

Ледяная корка страха взорвалась осколками. Я прыгнул.

Мир замедлился. Я видел узлы силы, переплетения жил земли и темные нити заклятий. Мой облик начал меняться. Шерсть стала длиннее, жестче, приобретая стальной оттенок серебра. Горб вырос между лопаток, руки удлинились до колен. Челюсти вывернулись, обнажив частокол зубов пещерного медведя. Но глаза остались человеческими. Я больше не был сыном Велеса. Я стал самим Лесом.

Я прыгнул вбок, перекатившись через плечо. Пока левый шаман бил в бубен, я оказался за спиной среднего. Его лапа метнулась ко мне. Я принял удар на скрещенные предплечья. Хрустнула грудная клетка степняка. Я рванул его на себя. Огромное тело врезалось в третьего шамана. Два чудовища рухнули в грязь.

Оставшийся колдун взвыл. Он вскинул бубен обеими руками и ударил. Звук был физическим. Ударная волна швырнула меня назад, впечатав спиной в дно. Берега начали сужаться, грозя раздавить нас.

Но дед-пращур, ходивший на Царьград, шепнул забытое слово власти над водой. Я вонзил пальцы-когти в донный ил. Здесь веками хоронили вождей, каждая пядь пропитана золой погребальных костров. Я зачерпнул эту землю.

— Возьми свое, Мать-Сыра-Земля! — прорычал я. Голос сплелся с ревом сотен ратников, которые опустили на одно колено и ударили секирами о щиты.

Я швырнул горсть заговоренной земли в натянутую кожу вражеского бубна. Произошло отторжение. Родная земля отбросила некротическую магию. Бубен вспыхнул едким зеленым пламенем. Плоть шамана пошла гнилыми язвами. Кожа слезала лоскутами. Он умер беззвучно, осыпавшись кучей сухой пыли.

Когда последний шаман рухнул, я уже не чувствовал ни рук, ни ног. Передо мной стоял Кутугыр. Он спрыгнул с коня и шагнул ко мне, вытаскивая из-за пояса ржавый кинжал. В его глазах горела ненависть, смешанная со страхом.

— Ты сломал мой бубен, — прохрипел он по-нашему, с трудом выговаривая слова. — Ты убил моих братьев. Но меня ты не убьёшь, камнерождённый. Я — тьма, которая не знает конца.

Он прыгнул. Я принял удар на клевец, вывернул его руку и, используя инерцию, вонзил гранёный клюв ему под ребро, туда, где кончается броня.

Кутугыр захрипел, выронил кинжал и осел на землю, хватаясь за рану. Он смотрел на меня с невыразимой злобой, но в глазах его уже мерк свет. Я опустил перед ним на одно колено.

— Ты не тьма, — сказал я тихо. — Ты просто человек, который выбрал не ту сторону.

Шаман попытался что-то сказать, но изо рта вытекла только струйка чёрной крови. Его тело обмякло, и взгляд остановился. Он умер без крика, без проклятий — просто ушёл, оставив после себя смрад и пустоту.

Я поднялся, зажимая рану на плече. Впереди расстиралось поле, усеянное телами. Битва закончилась.

С последним шаманом пал и морок. Барабаны замолчали навсегда. Орда замерла. Тысячи глоток перехватило спазмом ужаса. Они увидели меня.

Я стоял посреди брода по пояс в красной воде. Моя серебряная шерсть дымилась. Позвоночник болезненно втягивался обратно. Медленно зверь уступал место человеку.

Хан осадил коня. А затем развернул его. Вслед за ним, давя своих, потекла прочь вся непобедимая лавина. Они бежали от одного существа, в котором проснулась душа целого народа.

Борислав подошел сзади, опираясь на окровавленный топор. Он снял с пояса флягу с медом и протянул мне. В его глазах больше не было страха. Только уважение равных.

Шаман мёртв. Орда без вождя — стадо. Теперь они побегут.

****Глава 36. Цена перевоплощения****

Тишина легла на плечи тяжестью могильной плиты. Солнце так и не пробилось сквозь свинцовую твердь небес. Над бродом повис сладковатый запах тления.

Мои колени подкосились. Жар Сварожича схлынул разом, оставив сосущую пустоту в чреве. Кожа зудела невыносимо — остатки серебряной шерсти втягивались обратно в плоть. Суставы трещали, вставая на человеческие места. Ребра ныли.

Я оперся о рукоять обломка весла, чтобы не рухнуть лицом в грязь. В ушах гудел рой мошкеры — шепот предков теперь превратился в назойливый плач.

Борислав шагнул ближе, загораживая меня широкой спиной от взглядов молодых ратников. Те смотрели расширенными от ужаса зенками. Для них я стал Камнерожденным — тем, чья ярость дробит скалы.

— На ногах не стоишь, брат, — хрипло бросил воевода, протягивая бурдюк. — Пей. Мелкими глотками.

Мед обжег иссохшее горло густым жаром. Каждая капля ложилась на язык расплавленным золотом, выгоняя стылый холод преображения.

— Сколько мы потеряли? — просипел я.

— Дюжину, — мрачно ответил Борислав. — Еще два десятка порублены сильно. Зато... — он кивнул на тот берег. — Вся их тысяча легла здесь.

Я молча указал на высокий склон. Там лежало тело шамана.

— Главного нет. Остальные разбегутся. Но придут другие. Теперь они знают, что Мать-Сыра-Земля умеет кусаться.

Борислав кивнул:

— Пусть приходят. Теперь они знают цену этой дороги. А тебе нужно спрятаться. Люди смотрят. Им страшно.

Я кивнул, принимая мех снова. Мед вливал силу прямо в жилы. Я заставил себя выпрямиться. Ноги дрожали, но держали.

Солнце прорвало пелену облаков. Луч упал на воду, осветив мой силуэт золотом. Ратники медленно опустили рогатины. Один за другим они подходили к воде, опускались на одно колено и склоняли головы. Это не было поклонением божеству. Это было признание права Старшего в роду.

Я переступил с ноги на ногу. Калка текла спокойно, умывшись кровью. Впереди ждал путь домой, общий круг с князем и горькая чаша поминального пива.

****Глава 37. Пепел на бороде****

Дорога до Твердеца растянулась в вечность, вымощенную столами раненых и скрипом колес. Впереди шестеро мужиков тащили волокуши. Позади брели остальные: грязные, с лицами черными от копоти.

Я шел посередине. Один.

Ратники сторонились меня. От меня пахло речной гнилью, диким медом и паленой шерстью. Этот запах пугал лошадей.

Борислав шагал рядом.

— Дыши ровнее, — буркнул он. — На тебе лица нет.

Твердец показался впереди — высокий частокол. Женский плач поднялся к небу раньше, чем мы подошли к воротам.

Нас встречало всё городище. Князь стоял на помосте у ворот.

Увидев нас, он шагнул вперед. В его глазах не было радости победы. Только тяжелый вопрос.

Борислав опустился на одно колено. Остальные последовали его примеру. Все смотрели в землю. Кроме меня.

Князь подошел ко мне вплотную.

— Говорят, Орда бежала. Говорят, их вел страх перед одним-единственным воином. Перед тобой.

— Они бежали от памяти этой земли, князь, — ответил я. — Я лишь открыл им дверь.

— Ты открыл её своей кровью, — князь взял меня за подбородок. — Что ты такое? Ты не навь, ибо стоишь твердо. Но ты и не человек.

Я отвел его руку.

— Мои кости рождены в сердце гор, князь. А мясо соткано из воли тех, кто лег в эту землю до тебя. Какая разница, как зовут моего отца, если завтра утром Орда придет снова, втрое злее?

Князь долго молчал. Наконец он убрал руку и отступил.

— Прав воевода. Твои корни держат почву. Пока так — ешь мой хлеб и пей мой мед. Но горе тебе, если однажды эти корни потянут соки из *моих* людей.

Развернувшись, он пошел прочь.

Ко мне подбежал мальчишка-посыльный. В руках он бережно нес сверток чистого полотна и деревянную баклажку.

— Боярин-воевода передал, — выдохнул парень. — Для мытья. И отвар травяной, чтоб лихорадку сбить.

Я принял дар. Полотно пахло свежестертым льном и солнцем.

Настоящая жизнь.

— Где ваша старшая ведунья? — спросил я.

— Бабка Любава? У раненых она. Сказала, как освободится — придет в кузню.

Я кивнул. Взял сверток и направился к кузне. Нужно было смыть с себя этот слой смерти.

****Глава 38. Чистая вода****

Кузня встретила меня запахом остывшего железа, древесного угля и сухой глины. Горн почти погас — только багровые угли тлели в глубине под слоем пепла, изредка вспыхивая синими язычками пламени. На широком верстаке аккуратной стопкой лежала чистая рубаха, а рядом стояла деревянная бадья с водой. Пар от неё поднимался лёгкими завитками, растворяясь в полумраке.

Я остановился на пороге, чувствуя, как с каждым шагом оставляю на земляном полу тёмные, влажные следы. Рубаха, что дал мальчишка, была перекинута через плечо, но я медлил её надеть. Сначала — вода. Сначала — смыть эту корку смерти, иначе она вьестся намертво.

Дарья сидела на низкой скамеечке у стены, поджав под себя ноги. Она не спала — просто сидела, положив ладони на колени, и смотрела, как я вхожу. Когда наши взгляды встретились, она не отвела глаз. Только чуть склонила голову, словно спрашивая разрешения остаться.

— Ты чего не спишь? — спросил я хрипло. Голос всё ещё был чужим, с металлической ноткой, оставшейся после боевого транса.

— Ждала тебя, — тихо ответила она. — Любава сказала, что ты вернёшься в кузню. Что тебе понадобится чистая вода и свежая рубаха. Я согрела.

Она кивнула на бадью. Я подошёл ближе, зачерпнул горстью — вода была в самый раз, почти горячая, но не обжигающая. Пахла полынью, мятой и чем-то терпким, горьковатым. На дне плавали какие-то темные листья и мелкие цветы.

— Добавила туда немного, — пояснила Дарья, будто прочитав мои мысли. — Зверобой для крепости жилы, мяту — чтобы дух навий отстал, да корень девясила. И ещё каплю дёгтя — говорят, железный запах отмывает лучше щелока, а звериный дух глушит начисто.

Я ничего не ответил. Просто стянул через голову пропитанную потом и кровью рубаху. Ткань присохла к ранам и сдиралась с болью, выдирая куски кожи вместе с шерстью там, где трансформация пошла вспять неровно. Дарья смотрела на мою спину молча. Я знал, что она видит: багровые полосы от когтей шаманов, синяки толщиной в палец, глубокий порез на лопатке, который я даже не заметил, когда получил его о чей-то топор. Золотые прожилки вен под кожей всё ещё слабо пульсировали, затухая, словно угли костра.

— Сильно тебя поломали, — сказала она наконец. В голосе не было жалости — только констатация факта лекаря перед тяжелым больным.

— Бывало и хуже, — буркнул я, зачерпывая воду и плеская себе на грудь. Холодок пробежал по разгорячённой коже, смывая грязь и чужую кровь. Вода тут же становилась ржаво-бурой.

Дарья поднялась, подошла к полке, взяла чистый льняной рушник, густо пахнувший дымом можжевельника. Протянула мне, не касаясь пальцами моей руки.

— Вытрись сначала. Рубаху потом наденешь, а то на мокрую кожу ткань обратно прикипит, натрет до живого мяса.

Я послушно взял рушник. Ткань оказалась жёсткой, домотканой, с резким запахом щёлока и трав. Я провёл ею по лицу, по шее, по плечам. С каждым движением сходила старая кожа вместе с грязью. Чистота была почти болезненной — обнаженные нервные окончания остро реагировали на прикосновение воздуха.

— Ты видел их, — тихо спросила Дарья, наблюдая за мной. Её серые глаза в полумраке казались огромными. — Тех, кого мы называем навьями? Они правда вышли из воды?

Я кивнул, не поворачиваясь, продолжая жестко тереть грудь.

— Видел. И убивал.

— Страшно было?

Вопрос прозвучал просто, без любопытства праздного зеваки. Она словно проверяла, насколько глубоко сидит во мне человек, прежде чем доверить свою жизнь моим чертежам.

— Страшно, — ответил я честно. — В первую секунду. А потом — нет. Потом осталась только злость. Такая... каменная.

— Хорошо, — кивнула Дарья. — Если бы ты сказал, что не боялся, я бы решила, что зверь в тебе уже окончательно победил человека. А мертвый рыкарь нам ни к чему, камни дробить любой холоп может.

Я обернулся. Она стояла в свете угасающего горна — тонкая, бледная, с горящими серыми глазами. И в этих глазах не было страха. Только странная, древняя мудрость той, кто знает цену каждой капли крови.

— Ты знаешь, кто я? — спросил я, опускаясь на край лавки. Ноги внезапно отказались держать вес тела.

— Знаю, — просто ответила она. — Ты Камнерожденный. Тот, кто смог соединить в себе камень тверди и живу земную. Такое редко бывает. Бабка моя говорила, что последний такой приходил двести лет назад, ставил заставы на закатном рубеже.

— И что с ним стало?

— Ушёл в Навь, — Дарья пожала плечами. — Впустил слишком много силы. Или слишком мало человеческого оставил. Теперь бродит там, без лица и имени, пугает путников. Но ты сильнее. Ты вернулся сам. Значит, есть надежда.

Она помолчала, перебирая пальцами складки своего сарафана, потом добавила совсем тихо:

— И ещё. Спасибо, что привёл рысь. Я её выходила мазями целебными. К утру будет прыгать. Сказала ей, чтоб больше под копыта не лезла, так она мне всю руку облизала, прощения просила.

Я усмехнулся уголком губ. Рысь всегда чуяла своих.

Я надел чистую рубаху. Ткань приятно холодила кожу, пахла летним лугом, росой и хозяйским домом. Впервые за долгое время я почувствовал себя почти человеком, а не куском окровавленного мяса.

— Зачем ты ждала? — спросил я, глядя, как она аккуратно собирает остатки моих старых бинтов в очаг. — Могла бы спать. У тебя день был тяжелый.

— Не могла, — Дарья опустила глаза, пряча лицо в тени. — Боялась, что если усну, то проснусь одна. Что ты не вернёшься. Или вернешься таким, что придется дверь колом подпирать.

Я протянул руку и коснулся её плеча. Она вздрогнула, но не отшатнулась. Под тонкой тканью билась живая, теплая жилка.

Я не знал, что сказать. Слова утешения здесь не работали. Работала только сухая, голая правда.

— Я вернулся, — сказал я. — И завтра тоже вернусь. А теперь иди спи. Мне нужно подумать. Я посторожу.

Она кивнула, поднялась и бесшумной тенью скользнула в сени, плотно притворив за собой тяжелую дубовую дверь. Я остался один.

Горн догорел окончательно, оставив лишь красный пепел. Я сидел на лавке, сжимая в руке обломок весла — подарок Калки. Дерево казалось живым, оно едва заметно вибрировало в такт моему сердцу.

Тишина давила. Но это была тишина дома, а не могилы. Где-то далеко, на вышке, перекликались дозорные. Ночь тянулась медленно, вязко, но я знал: рассвет принесет новые вопросы. И, возможно, новые ответы.

Сон пришел незаметно, укутав плечи тяжелой овчиной усталости.

Проснулся я от того, что солнце ударило прямо в лицо сквозь щели в крыше, и от запаха свежего хлеба.

В кузне никого не было. Бадью убрали, пол подмели, посыпав сухим песком. На верстаке, рядом с моей рукой, лежал кусок бересты размером с ладонь и острый уголек, прижатый камнем.

А еще там стоял туесок с медом и краюха ржаного каравая. Простая еда богов.

Я поднялся, разминая затекшую шею. Тело ныло тупой, привычной болью заживающих ран. Оборотень внутри свернулся клубком где-то в районе солнечного сплетения, сыто урчал и переваривал вчерашнюю ярость.

Я подошел к верстаку. Развернул бересту. Это был не свиток — это была плоская пластина внутренней части коры, гладкая и кремовая. Уголек лежал рядом, приглашающе поблескивая черным боком.

Любава знала свое дело. Лечить тело — одно. Но лечить разум Рыкаря можно только делом. Дать ему задачу, вбить боль в цифры и линии.

Я сел на лавку, подобрал уголь. Закрыв глаза, вызывая в памяти вчерашний день. Не ужас битвы, а геометрию дна. Как текла вода. Где стояли базальтовые зубцы. Как легла запруда.

Когда я открыл глаза, на бересте уже проступали первые линии. Глубокие, черные, уверенные. Карта русла. Инженерный расчет стихии.

За дверью послышались шаги. Тяжелые, прихрамывающие. Борислав. Он вошел без стука, держа в одной руке мой клевец, очищенный от речной слизи, а в другой — свой собственный шлем.

— Очнулся? — бросил он, оглядывая меня цепким взглядом. Искал признаки безумия. Не нашел, судя по тому, как слегка расслабились его плечи. — Добро. Князь ждет. Третий петух давно отпел. Народ собрался на площади, требует зрелища и правды. Им страшно, инженер. После таких чудес люди либо начинают молиться истовее, либо точат колья. Нам нужно первое.

Он положил клевец на стол. Древко глухо стукнуло о дерево.

— Одевайся. И скажи спасибо Дарье, она твою старую броню отчистила. Пахнет, конечно, как псарня, но железо крепкое. Пригодится.

Я посмотрел на свои руки, перепачканные угольной пылью. Затем на карту на бересте.

Правда. Да. Сегодня им нужна будет очень простая и очень страшная правда.

— Дай мне минуту, воевода, — сказал я, беря уголь крепче. — Мне нужно закончить одну мысль. Иначе они увидят чудовище. А я хочу, чтобы они увидели плотину.

Вот продолжение в древней славянской стилистике. Глава начинается с недовольства князя, затем переходит к суровому обучению у Борислава.

****Глава 39. Княжья кривда****

Князь не вышел встречать меня утром. Вместо него на пороге терема стоял ключник с лицом, вытянутым, словно березовое корье.

— Не велел пушать, — буркнул он, косясь на мои босые ноги. — Князь нынче хворый. Требу кладет. Не до тебя.

Я молча отступил. В толпе, что собралась на площади, почуял неладное. Вчерашние взгляды, полные ужаса и почтения, сменились иными — колючими, с прищуром. Шепотки побежали меж баб, тонкие, как змеиная кожа.

— Слыхали? — шипела одна, закрываясь платком. —

Камнерожденный-то наш не просто так реку утихомирил. Он с нею сговорился. Кровь свою отдал. А у князя-то, слышь, меч-кладенец от зависти заржавел.

— И не говори, — вторила другая. — Воевода Борислав перед ним на колени пал. А князь-то наш как? Сидит в тереме, блюдо с медом пьет, а слава чужаку достается.

Я нахмурился. Князь — не дурак. Он понимает: если народ начнет видеть во мне защитника пуще княжьей дружины, его власть истончится, как лед на весеннем солнце. Потому и прячется за дверьми.

В тот же день в кузню пришел Борислав. Он был мрачнее тучи.

— Князь гневается, — сказал он коротко. — Бояре ему нашептали.

Мол, ты вчера не его славу умножил, а себя выставил перед ратью. Теперь дружина шепчется: кого слушать — князя аль Камнерожденного?

— Я не просил этой славы, — ответил я, крутя в руках обломок весла. — Я хочу домой. В свой мир.

— Домой ты попадешь, когда князь поверит, что ты не метишь на его место, — отрезал воевода. — А для этого нужно убраться из города на время. Или притвориться немощным. Или золотом откупиться. Но золота у тебя нет. Значит, будем делать вид, что ты — всего лишь ручная зверюга, которую я натаскиваю на службу. Пойдем. Выйдем за околицу. Там и потолкуем.

****Глава 40. Наука яри: урочные удары****

Мы вышли в чисто поле, где ветер гулял по ковылю, а земля была жесткой, как старая подошва. Борислав скинул кафтан, оставшись в одной холщовой рубахе. Он очертил древком копья круг на земле.

— Становись в середку, — велел он. — Сегодня я научу тебя не камень дробить, а тело человеческое ломать. Ты, Камнерожденный, силу свою земную чуешь, а воинскому ремеслу не обучен. Потому бой твой — как топор дровосека: рубит, да без мысли. А нужно, чтоб ты стал косой — острой и неотразимой.

Он показал первый удар. «Залом подреберный». Из положения низкой стойки, почти на корточках, он рванул вверх воображаемым клинком.

— Бей снизу, под ребра. Печень — она мягкая, даже кольчуга не спасет, если ударить с разворотом корпуса. Жми от земли, всей тушей.

Я повторил. Получилось коряво, но сила выплеснулась — комья земли взметнулись фонтаном из-под ног.

— Легче, — цыкнул Борислав. — Ты не булыжник мечешь, а смерть даришь. Вложи в удар всю злость, что на князя копишь. Князь — он как медведь на цепи: рычит, но без хозяина не шагнет. Ты думай, что бьешь не тень, а его боярскую спесь.

Следом пошли «тычки ключичные» — короткие, рваные удары, целящие в стыки брони, под мышки, в пах, в горло. Каждый удар Борислав называл на старый лад:

— Этот — «клюв вран». Бьешь сложенными пальцами в кадык — враг хрипит и падает. А этот — «пята вепря». Ладонью снизу в челюсть, с подшагом. Слышишь хруст — значит, сделал верно.

Я потел и злился. Каждое движение давалось тяжело — тело привыкло к размашистым ударам, а здесь требовалась точность ювелира.

— Не спеши, — ворчал воевода, отбивая мои выпады предплечьем. — Ярь твоя — она как квас в бочке: перебродит — сила явится. А ты ее наружу раньше времени гонишь. Держи в кулаке. Накапливай. А когда ударишь — разожми.

К закату я выдохся. Руки висели плетью, спина горела. Борислав сидел на поваленном дереве, глядя, как солнце красит край неба в багрянец.

— Князь завтра позовет, — сказал он негромко. — Велит явиться на пир. Будут бояре, будут гридни. Будут речи льстивые и взгляды волчьи. Ты сиди молча. Ешь хлеб. Пей мед в меру. На вопросы отвечай односложно. Если спросят про победу — скажи: «Воевода Борислав учил, а земля наша помогла». Славу отдай князю. Понял?

— Понял, — кивнул я, разминая шею.

— И ещё, — Борислав поднялся, отряхнул порты. — Я научу тебя одному приему. На случай, если князь решит, что ты слишком опасен, чтобы жить. Он называется «Змеиный клык».

Он подошел вплотную, взял мою правую руку и согнул указательный и средний пальцы, оставив остальные сжатыми.

— В древности, когда воина брали в плен и скручивали, он мог ударить последний раз. Вот так — два пальца в глаз, под шлем, в ушную прорезь. Или в горло, поверх кольчуги, в ямку у кадыка. Это не бой — это убийство. Но если придется — ты должен знать.

Я посмотрел на свои пальцы. Они дрожали от усталости, но в них уже жила смерть, которой я научился за этот день.

— Запомни, камнерожденный, — Борислав положил тяжелую ладонь мне на плечо. — Слава — она как роса на паутине: блестит, да быстро сохнет. А земля под ногами — вечна. Что бы ни шептали бояре, что бы ни думал князь — ты уже часть этой земли. И она тебя не выдаст.

Мы вернулись в Твердец, когда ворота уже запирали на ночь. Сторожа пропустили нас без оклика, только крестились мелко, глядя на меня.

В кузне горел огонь. Дарья сидела с рысью, прикладывая к её ране свежие листья подорожника. Она подняла глаза, когда я вошел.

— Князь сегодня злой ходил, — сказала она тихо. — Велел дружинникам не пускать тебя к колодцу. Сказал: «Мой город, моя вода. Чужак пусть из болота пьет».

Я усмехнулся. Вытащил из-за пазухи берестяной чертеж — тот самый, что рисовал утром, и положил на верстак.

— Ничего, Дарья. Пусть тешится. Завтра я приду на его пир. И он сам нальет мне меду.

Она не ответила, только ниже склонилась над зверем. А я сел на лавку и долго смотрел на огонь, вспоминая удар «Змеиный клык». И думал о том, что слава — это не награда. Слава — это мишень.

****Глава 41. Ночь на Капище****

Пир у князя назначили на закате. Но солнце еще стояло высоко, когда Борислав пришел за мной. В руках он держал холщовый мешок — оттуда торчал сухой веник полыни и огарок восковой свечи.

— Идем, — коротко бросил воевода. — Князь пировать начнет, когда звезда Велеса взойдет. А у нас до того свое дело.

Мы вышли из города через тайную калитку в частоколе — узкую, вросшую в землю, о которой знали только старые воины. Тропа повела вниз, к старому капищу, что стояло на слиянии двух ручьев. Место было глухое, заросшее иван-чаем и крапивой в рост человека. Посреди поляны чернел идол — неотесанный, нелаженный, просто камень в три обхвата, поставленный на попа. Вокруг него — три замшелых валуна. На одном — чаша, выбитая прямо в граните.

— Это капище Рода, — сказал Борислав, опускаясь на колени. — Самое древнее в наших землях. Оно старше Твердеца, старше князей, старше, говорят, самого крещения. Здесь силу пили еще те, кто ходил на Царьград. Сними обувь. Земля здесь — живая.

Я разулся. Босая нога ступила на прохладный мох. По коже побежали мурашки, но не от холода — от гула, что поднимался из-под земли. Словно где-то глубоко билось огромное, медленное сердце.

Борислав вынул из мешка свечу, поставил в каменную чашу, зажег от огнива. Пламя вспыхнуло без копоти — желтое, ровное, как солнечный лучик в затмение.

— Садись, — велел он. — Смотри на огонь. Ни о чем не думай. Когда придет время — скажу.

Я сел на один из валунов, чувствуя спиной шершавую поверхность камня. В воздухе пахло медом, старой пылью и чем-то еще — горьким, терпким, будто перестоявший квас. Полынный дым вился вокруг столбом, не поднимаясь к небу, а стелясь по земле, как живой уж.

Тишина стояла такая, что уши закладывало. Даже ветер стих, только ручей бормотал что-то неразборчивое.

— Проси у Рода, — глухо произнес Борислав. — Проси совета. Ты пришлый, но земля тебя приняла. Значит, Род тебя слышит.

Я закрыл глаза. И провалился.

Не знаю, сколько прошло времени. Может, миг. Может, целая жизнь. Я перестал чувствовать свое тело — только гул камня, только запах полыни, только неровный свет свечи сквозь закрытые веки. А потом тьма внутри меня раздалась, и я увидел.

Передо мной стоял Старец. Не старик — а именно Старец, изваянный из светлой глины, с бородой, что струилась до пояса белыми корнями, и глазами, в которых перекатывались звезды. Одеждой ему служила кора, а в руках он держал посох, увитый хмелем. От него пахло сырой землей, дождем и ржаным хлебом. Это был **Сварог-Небесный-Кузнец**.

— Встань, Камнерожденный, — голос его шел не из горла, а отовсюду — из земли, из воздуха, из самого моего нутра. — Долго ты искал дорогу домой. Но дом твой уже не там, где ты родился по плоти. Дом твой там, где куется твоя судьба.

— Я не хочу другой судьбы! — крикнул я. — У меня там жена! Дочь! Они ждут меня! Верни меня назад!

Старец не обиделся. Он усмехнулся в бороду — и от этой усмешки заколосились вокруг золотые поля, запели невидимые птицы.

— А кто тебе сказал, что ты не можешь их увидеть? — спросил он. — Реки времени текут не в одну сторону. Бывает, что одна капля падает в две лужи разом. Твоя кровь — она уже здесь. Она уже там. Ты — узел, что связывает миры.

Он поднял посох и ударил им о землю. Полыхнула молния. И я увидел.

Образ явился — зыбкий, как отражение в воде. Аня сидела на кухне, пила чай из моей любимой кружки. Лицо у нее было усталое, глаза красные. Ленка спала у нее на коленях, свернувшись калачиком, как тот рысенок, что я приручил. За окном — тьма. На столе — моя фотография в траурной рамке.

— Они помнят тебя, — сказал Сварог. — Плачут. Но земля живых закрылась для тебя, когда тот половецкий нож вошел тебе под ребро. Ты умер там, Михалыч. И родился здесь. Прими это.

Меня затрясло. Я хотел закричать, возразить, разорвать видение голыми руками, но Старец только покачал головой.

— Не рвись. Твоя боль — она тоже сила. Это топливо твоей яри. Но если будешь рвать себя на части тоской, станешь навьем — безликим, голодным, вечным. Ты нужен этой земле живым. Чувешь?

Сзади раздался тяжелый шаг. Из темноты выступил **Велес**. Он был огромен, как вековой дуб. Вместо волос — шкура медведя, вместо глаз — два угля. От него пахло хвоей, сырой шерстью и древней мудростью.

— Сварог прав, — пророкотал Велес, и от его голоса дрожь прошла по камням. — Ты прошел через смерть, как сквозь старую шкуру. Теперь ты воин не только по плоти, но и по духу. Князь тебя боится — и правильно делает. Но бояться должен не народа, а того, что ты можешь пробудить.

Он протянул лапу. На широкой ладони лежал коготь — черный, загнутый, полированный веками.

— Бери. Когда настанет час, и князь поднимет на тебя руку — раздави этот коготь в пыль и кинь против ветра. Я приду.

Я не успел взять. Видение схлопнулось, вывернулось наизнанку, и я вывалился обратно в свое тело, сидящее на валуне перед угасшей свечой.

Вокруг было темно. Только луна пробивалась сквозь кроны, высвечивая заиндевевшую траву. Часы пролетели — я просидел на капище до глубокой ночи. Борислав стоял рядом, опершись на копье, и смотрел на меня без удивления.

— Был? — спросил он коротко.

— Был, — выдохнул я.

Разжал кулак. На ладони лежал черный коготь. Тяжелый, холодный, словно только что срезанный с живого зверя.

— Теперь ты воистину Камнерожденный, — сказал Борислав. — Тебя признали Сварог и Велес. Теперь ты не просто чужак с даром. Ты — избранник Рода. Пойдем. Князь заждался. Да и на пиру, говорят, мед сегодня пьют за твое здоровье. Сладко пьют, да горько после будет.

Я поднялся, спрятал коготь за пазуху. Луна осветила тропу, ведущую обратно к стенам Твердеца. В городе горели огни. Слышались песни. Пир был в самом разгаре.

Но мысли мои были не о князе и не о меде. Они были о той траурной рамке, что я увидел на столе в моем прошлом доме. О заплаканных глазах Ани. О спящей Ленке.

— Я придумаю, как вас отсюда вытянуть, — прошептал я в ночь. — Я порву эту грань. Я клянусь Сварогом и Велесом. Услышьте меня, Боги.

Глава 42. Княжий мёд — горечь в гортани

Возвращались мы в Твердец молча, каждый думая о своём. Луна вышла полная, заливая поля мертвенным серебром. Тени от частокола легли на землю чёрными полосами, и в каждой такой полосе чудилось движение. Город встречал нас гулом: пир шёл на всём подворье, переливаясь через край терема хмельными песнями и звоном кубков.

У самых ворот нас ждали. Из тени выступил отрок в богатой, шитой золотом свите — княжий постельничий, лицом бледный, с бегающими глазками.

— Воевода, — поклонился он Бориславу коротко, но мне не поклонился вовсе. — Князь велел передать: гостю дорогому место уготовано по правую руку. Ждут только его.

Борислав хмыкнул в усы, покосившись на меня.

— Слышь, камнерожденный? По правую руку. Велика честь для найдёныша. Боится князь, видать, что ты слева сядешь да нож у него со стола утянешь.

Я промолчал, но внутри кольнуло. Слишком уж сладко стелют — не иначе как подстилка из крапивы под бархатом.

Мы вошли в терем. Гридница гудела, как растревоженный улей. Сотня голосов, перезвон кубков, запах жареного мяса, мёда, пота и дыма. Вдоль стен — длинные столы, за ними — бояре и дружинники, красномордые, разомлевшие. Во главе — княжеский стол, крытый алым сукном. Сам князь — грузный, с окладистой бородой и тяжёлым взглядом исподлобья. В руке он сжимал серебряный кубок, но пил из него редко — больше глядел, как пьют другие.

При моём появлении шум стих на мгновение. Я шагнул через порог — босой, в простой льняной рубахе, с чёрным когтем Велеса на шее. И это было нарочито. В гриднице, где каждый рядился в золоте и парче, моя нагота стала вызовом. Я не склонил головы. Просто прошёл к указанному месту и сел, не дожидаясь приглашения.

Князь дёрнул щекой, но смолчал.

— Ну, здравствуй, Камнерожденный, — сказал он, и голос его был густой, как вар, но с призвуком фальши. — Гости заждались.

Сказывают, ты нынче на капище ходил. С богами беседовал. Поведай нам, смертным, о чём говорили небожители?

Вопрос был с подковыркой. Скажи правду — сочтёт за гордыню. Соври — уличит во лжи перед всем честным народом.

Я медленно взял кубок, что стоял передо мной, понюхал. Мёд, но с горчинкой — полынь. Не яд, но знак. Хотят напомнить, что я здесь чужой.

— Сварог, — сказал я негромко, но голос мой разнёсся по гриднице, перекрывая гул, — спросил меня, почему я не прошу у него силы для побед над врагами, а прошу лишь дорогу домой.

Тишина стала звенящей. Князь побелел — видно, не ожидал, что я назову имя бога вслух за его столом.

— А Велес, — продолжал я, переводя взгляд на бояр, что сидели по левую руку от князя, — дал мне совет. Сказал, что мой дом теперь не только там, где я родился, но и там, где моя кровь пролита за землю, что меня приняла.

Я поднял кубок.

— Выпьем же, княже, за ту землю, что кормит нас всех. И за тех, кто её защищает. Не за страх — за совесть.

Я отпил. Полынь обожгла горло, но я не поморщился. Мёд — он на то и мёд, чтобы горькое сладким казалось.

Князь молчал, сжимая кубок так, что побелели костяшки. Бояре за столом переглядывались, не зная, как себя вести. Первым опомнился Борислав — он встал, тяжело опираясь о стол, и поднял свой рог.

— За землю! За нашу мать! — рявкнул он, и голос его прокатился по гриднице, как гром. — А кто против — тот пусть из княжьей чаши хлебает, из той, что с крапивой!

Дружина взревела, застучали кубки. Напряжение разрядилось, но я видел: князь не простил. Он кивнул одному из ближних бояр — сухому, лысому, с лицом, похожим на наконечник копья. Тот исчез в боковой двери.

— Скучно у вас, княже, — громко сказал я, вставая. — Песни поёте старые, мёд пьёте пресный. Дайте-ка я вас потешу.

Я шагнул в центр гридницы, к очагу. Вынул из-за пазухи Велесов коготь и сжал его в кулаке. Коготь отозвался — нагрелся, засветился изнутри алым.

— Кто из дружинников выйдет против меня? Не насмерть — для потехи. Кто посмеет помериться силой с тем, кого боги благословили?

Князь дёрнулся было возразить, но Борислав опередил:

— А что? Пусть! — крикнул он. — Покажи, камнерожденный, на что способен! А мы поглядим, не зря ли тебя Сварог отметил.

Из-за стола поднялся молодой сын князя — Всеслав, широкоплечий детина, первый забияка в городе. Он был пьян, глаза его блестели недобрым огнём.

— Я выйду! — рявкнул он, выходя из-за стола. — Посмотрю, что за чудище к нам из болота вылезло! Княжич я или кто?

Он встал напротив меня, поигрывая тяжёлым боевым ножом. Пьян он был крепко — это я видел сразу. Дыхание его перегаром разило за три шага.

— Болевой прием, — тихо сказал я, так, чтобы слышал только он. — Не хочу тебя увечить перед отцом. Просто покажи, что сдаёшься, и разойдёмся миром.

Всеслав оскалился и бросился на меня с ножом. Он не умел бить — только махал, надеясь на грубую силу. Я шагнул в сторону, встретил его руку своей, провернул — и нож со звоном упал на пол. Сам я прижал его кисть к столу, зафиксировал запястье, и он замер, не в силах пошевелиться. Никакой магии — только рычаги и суставы. То, чему учил меня Борислав.

— Сдавайся, — шепнул я.

Всеслав закрипел зубами, но промолчал. Князь смотрел на нас тяжёлым взглядом. В гриднице стояла тишина — только угли потрескивали в очаге. Наконец, он махнул рукой.

— Отпусти его, — сказал князь. Голос его был глух, словно из могилы. — Довольно. Потешил — и хватит. Садись. Пей.

Я отпустил Всеслава. Он отшатнулся, тряс кистью, и зло глянул на меня. В его глазах не было благодарности — только обида и жажда мести.

Пир продолжился, но веселье померкло. Я сидел молча, ожидая, что будет дальше. И дождался. Ближе к полуночи тот самый лысый боярин подошёл ко мне сзади и шепнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.